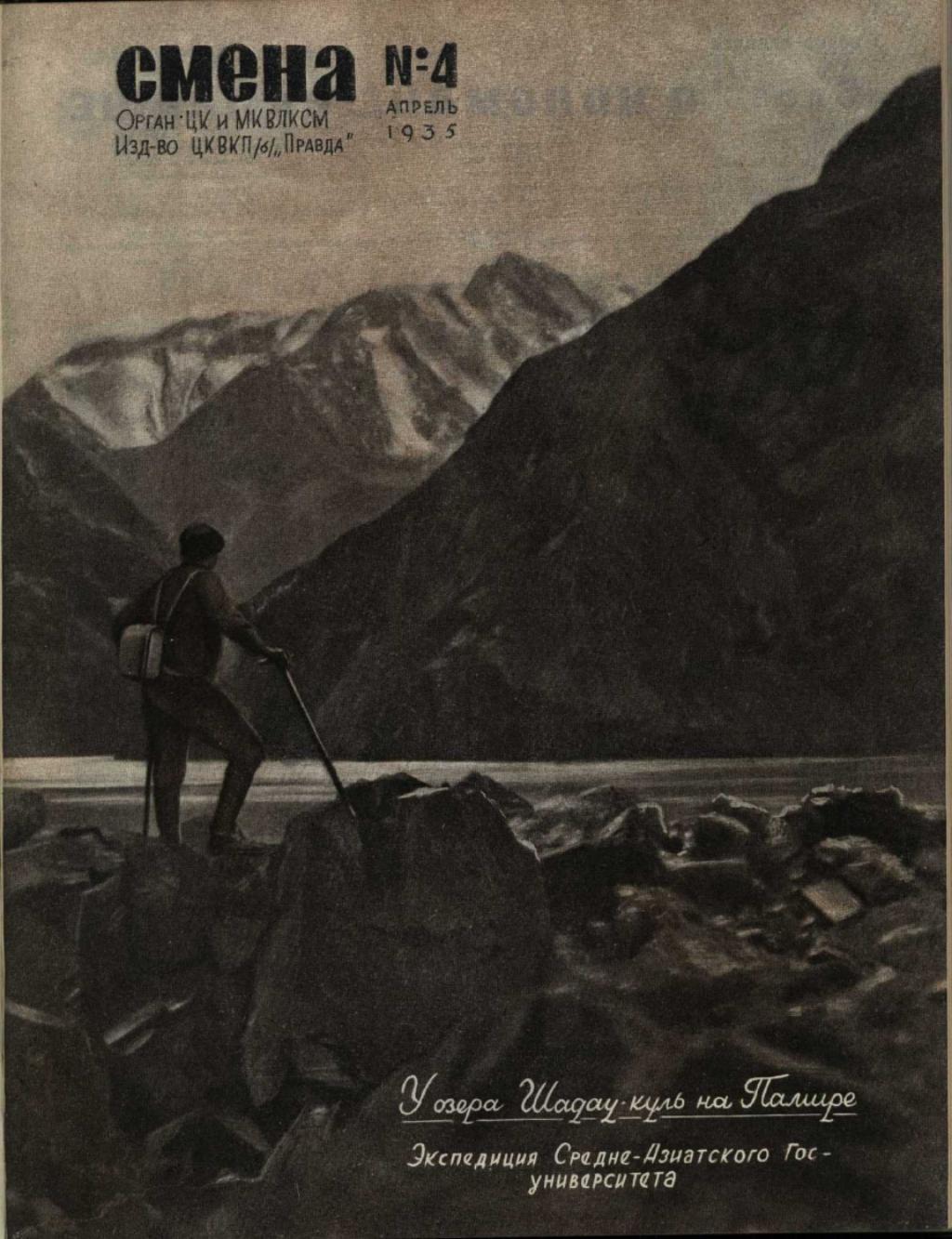

смена

ОГАНЬ ЦКИ МКВЛКСМ
Изд-во ЦКВКП/б/ "Правда"

N:4

АПРЕЛЬ
1935

Узера Шадау-куль на Памире

Экспедиция Средне-Азиатского Гос-
университета

СЛОВО О КОЛОМАНЕ ВАЛЛИШЕ

I

Я не знаю, как вам спится,
Господин убийца Шиппер.
Я у вас ни разу не был:
Надо иной небо.
Хороши ли сны у вас там?..
Например мне снится часто,
Будто поднимает руку
Рослый каменщик из Брука
И кричит, громя прикладом:
«Хдьт еще — какого торта!»
Лицо уж на баррикадах,
Пушки бьют по Флориддерфору!»
Он склоняется среди гула,
С ним жена его Паула,
По-музике винтовка сканда.
И у пояса граната.
И еще я часто вижу:
На снегу, от кровей ранены,
Люкот и локоть, беспредубодно
Спит ребята из шупубида.
Десять...

Двадцать...

Тридцать...

Сорок...

Каждый был кому-то дорог.
Снег лежит на их ресницах,
И над ними ревут птицы,
С криком кружат друг за другом.
На бойцах считают раны
И размениют округе
Весть о смерти Коломана.

II

...Погода такая была, что сама
Природа, казалось, сходила с ума
В ту ночь
Коломан,

Наплевав на погоду,

На улицу вышел

И подал сигнал

К восстанию...

Было полночь разбит арсенал,

И бой загремел...

В беспорядок жандармы,

Теряя людей,

Отступают и казармы.

Дрожит обиватель, покинув постель,
Боясь перестрелки.. Хочет метель
И спешит под трупами.

Но — как всегда —

От Брука да Вены

Гудят провода.

Летят, задыхаясь, к Бруку сюсти.

И рещет уще солдаты у застав.

Огнем батареи разодрали туман..

Прощалась с женой, говорит Коломан:

«Хотя у врага и зубастая пасть,

Клинуясь, мы добудем советскую власть!

Нам рано ложиться, товарищи, в гроб,

В горах есть немало тропинок и троп...»

...С ним в горы отправились

Триста парней,

И каждый бывал

Честного слова верный.

Шли в стужу они,

Увязав в снегу.

Чтоб рухнуть лавиной
На плечи врагу.
Но в Бруке остались
Предатель и трус
(Запомнил: имя короткое — Ру).
Он думал:
«Восстания участь исна,
Могила же геяна,
А подходит весна.
Запримут скоро

По склонам ручья,
А Коломан ждет все равно палачи...»

— И только рассвет
Заскользил по горам,
Он все, торопясь,
Рассказала егерям...»

III

Когда пришел Коломан,
Вот поднялась кутерьма!
Покойней стала на крепость
Лебенская тюрьма.

Жандармы и прочий скволочи
Набилось чепчорпор.

Два пустякима на завода
Дежурных у ворот.

Судьи собрались быстро:
Фей призвала спешить.

Очакивание журналисты
Вязались за карапанши.

Штыками оберегали,
Откапывали прокурор.

Слушали и не мигая
Гладил Коломан в упор.

Но... нико смотрела судьи,
Косна прокурор глаза,

Одиною враждебно грудью
Дышала за спиной зала.

Немало в нем прело швали
Отборной из кабаков.

С места поднялся Валлиш
Под щелканье кодаков.

«Довольно ломать комедию,
Собьдись лицом к лицу!

Спешите совать пистолеты
Мне — почты мертвому.

Я знаю, как знает пожары,
В ком совести хоть на грех:

Все мы подряд продажны
От лысина и до калоша.
Я знаю, что скоро встанет
У власти
Рабочий класс,
Он...
вас покупать не станет,
Он...
просто раздавит вас!..»

IV

На заре
На тюремном
Монгомен дворе
Жандармы
Выстроились в каре.
И падач,
Слесарьембритый,
Ждал на помосте шатком,
В черной шубе,
Цланнире
И белых перчатках.
На заре
К зипафоту,
Вдыхал запах смолы,
Подходил Коломан,
Скупо

Звяжки
Кандалы.

А тюрьма
Точно улей
Гудела,
Тревожа убийц,
И к решоткам прильнула
Десятки изволнованных лиц.
И когда по ступеням,
Скрипучим,

Как голос священника,
Валлиш бодро взошел,
Осторожнико

Протянутый крест...
...Это есть...»

(Загремело на камер)

«Наш последний...»

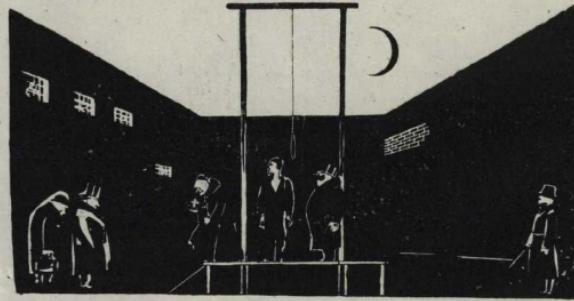
(Тело повисло, как паста)

«Решительный...»

(Пульс остановился и замер)

«Бой...»

(И врач констатировал смерть).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
«Известий о Правде»

№ 4

1935

12-й год издания

Москва „25“, Кольцевской пер., д. 3. Прием
авторов ежедневно (кроме выходных дней)
с 3 до 5 час. Тел. 4-46-74

ЗНАМЕНА ЕДИНОГО ФРОНТА

1 Мая миллионы пролетариев мира выходят на улицу с лозунгом борьбы против войны и фашизма.
На снимке: прошлогодняя маэфия единого фронта в ньюйоркском Юнион-сквере.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ:

- Г. Никфоров.—Враги
Дм. Лебедев.—Влас Чубарь
Юр. Дуков.—Необычная командировка
К. Тимофеев.—Как я научился управ-
лять автомобилям

СТИХИ:

- Б. Лебедев.—Слово о Коломане Валлише.
Илья Барт.—Песни «стримпов»
Александрий Ковалевиков.—Туристская пе-
сня

РАССКАЗЫ О ПОДВИГАХ:

- А. Гейлерейх.—Мария Сенг

МЕЧТЫ И ПЛАНЫ

НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ:

- Мозг и сердце—беседа с засл. деятелем
науки Н. Н. Бурденко

ФИЗКУЛЬТУРА И ТУРИЗМ:

- И. Джонн.—Одна над Тихим океаном
Ю. Геригрос.—За знаком альпиниста.
Пятидцать разудал (матч на первенство
Европы по боксу)

ТЕАТР И КИНО:

- Мих. Джаллонов.—«Ромео № 26»
И. Бачеанс.—Ленты двадцати стран

- Ю. Нейман.—Клоуники на клубной
сцене

ЛАБОРАТОРИЯ ТВОРЧЕСТВА:

- К. Алтайский.—Рукопись правила Гер-
манской 15

ШАХМАТЫ

- РИСУНКИ:
Л. Бродягин, В. Брикина, А. Поманского,
И. Соколова 23

- На первой обложке—У озера Шалбу-куль
на Памире (фото профессора Ба-
рамова).
На четвертой обложке—Леонтий (фото
А. Гайковича).

- ФОТО: З. Тулеева, В. Сочеванова,
П. Бема и Союзфото.

5

7

18

20

2

11

12

4

10

14

11

12

21

9

16

22

МАРЬИК СЕНГ

РАССКАЗЫ О ПОДВИГАХ

Рассказ оленевода.

— Сегодня, Марык, ты мне будешь рассказывать о тундровых зверях. Ну, как по-вашему песят?

— Песец? Нохо.

— А лисица? Теня.

— А волк?

— Волк? Ты-сармин...

— Ты-сармин? Почему так, Марык? Ведь ты же меня вчера записало, — ты-сармин песяти,

— Верно, Юрко, все помнишь.

— Что значит одино «сармин»?

— Ага, помалки-сармин—зверь, т. е. волк. Правильно и поняла, Марык?

— Тарем, тарем (так, так), —утвердительно вздохнул мой учитель.

«Ты-сармин» стало в моей голове самым знакомым и во все же время неизвестным словом. Этой неизвестности было зарядить и таких, как Марык Сенг, пастухов-ненцев.

Несколько дней назад, в бурю, волк загрыз пять оленей созохоного стада... Тогда Гагана отвели в лес на погибель. Потом вспомнили, что ты-сармин—зверь сущий и если он остался в стаде, то, значит, там нужно. Ты волк! Боялся «Нумы». Марык Сенг был молодеж Гагана, от индейцев не отизывалась, но и его иногда охватывал мистический страх перед сильнейшим зверем. Этот страх привил племени.

Я, маленький пастух, чую, что твердым архангелом настает. Ношу мы наперевес, держу руку, подстерегаю вбушного гостя. Было ясно, что мы имеем дело с опытным, исключительно любопытным хищником и что от него деревья не отдалась.

Приводил волк не сяд, падать его не интересовало: он избавлялся от сомнений, свидетельства на зверя, обнаглые от безнаказанности.

У меня стала появляться вера, Ежедневные «сармии», движущиеся в стаде в почных проворках смели забирали много сна. Катастрофа в стаде живо оставала перед глазами. Чем больше я задумывалась над этим несчастьем, тем боль-

ше начинала верить в то, что сопутствующий нашим стадам зверь—бешеный. Мне припоминался Одборск и Пасторская станция, на которой в микроскопе мне показывали технику «снегиря», обнаруживаемые при исследовании двух последних членов. Пасторская станция, бешеная Усадьба, и около Нового порта. Вместо того чтобы спасаться бегством от преследовавшего их хищника, они бросались на него. Тогдах теперь мне стала казаться вероятным рассказ председателя туземного совета Хаби, при мне сдавшего воинскую шину на фабрике Загородин. Волк, по словам Хаби, бросалась сам на него...

Дежурная в стаде боя собак. В бригаде было двадцать пасынковских лаек, но в отдельности ни одну из них нельзя было назвать кандалкой лайка: имела тот или иной порок, опасный для стада с молодняком.

Работа в стаде без собаки была тяжелой. Дежурство молодых пастухов Марыка вспоминалось мне как борьба с бесконечным ветром. Но востоке пороховело.

Марык внимательно присматривался к стаду. За эту ночь то тут, то там около материнского залончика появлялись черные комочки—новорожденные галактии, пынники. Соскес бланши из Марыка вспомнил облизывалась только что появившегося на свет теленка. Просла, покосившись на пынника, степной походкой серая заячка склонилась к залончику. Брюхо у нее обвисло, крестец замялся. Она была покоя на боку, поставленную на ноги.

— Эта сегодня или завтра родит, — определила Марык.

Одени, меняя власиной участок, проходили мимо Марыка как войска мини-полководца. Стадо было упитанным, веселым. Марык довольно улыбался. Он помнил, каким стадо доказывало в бригаде: под наездом было выбракованное из других стад, болевые, истощенные слены.

Вдруг в противоположном конце стада, где дежурила Ольга, раздался отчаянный крик. Крик этот знал оленя и волка и лису. Крик этот значит: «Ко мне! волк!» Слыша в нем нет. Это просто вопль, високий, раскаивающийся. От крика начали с низкой поты и кончали с арбозом, пропитанным, затуманившим взглядом. Олени, вспомнивши крик, со всех сторон бегут к человеку, собираются в кучу, под защиту пастуха.

Ты-сармин! —вздрагнула, насторожился и замер Марык. Почему же Ольга не спряталась? Быстро движением Марыка схватил корей*, упал на настил и поднял к своему упрямому носу когтистые когти. Пастухи угрюмо, а бутор бык, чтобы ее не было видно со стороны Ольги, пастух на животе подполз к краю бугра и отдала все стадо.

Где же поган? Ах, вот там, должно быть... Олени ляпали черным потоком по белому полю.

Волк шел долиной, меж бугров, прямиком к Марыку.

Пастух сжал вентилю и втянул голову в плачи.

Зверь, расстянув хвост, широкими шагами приближался к быку. Пастух его была открыта, языки вывались...

Ростовчика согрекла до 10—15 саженей. Марык прижался правой щекой к занесенному крепко погрудью, вытянула руки к ружью, попыталась из мертвого гроба вынуть из него когтистую тростью «шапку». Волк передернулся на полу всем телом, сасала несколько громадных прыжками и оказала гряду с грудью к Марыком.

Вентиля упала в снег. Быть волка прикальбом было поздно. Зверь сгреб Марыка за волосы ногу, которой в растерянности Марык пнул, выпадавший в мороз. В следующее мгновение волк схватил Марыка за волосы, сасала головой руки к ружью, вырвало свое ружье из железных рук пастуха не смыть. Долго ли это продолжалось, кто знает. Наверное, очень недолго. Но у Марыка начали

слабеть руки. Перехватиться руками за горло волка он не решался. Выпустить хоть на миг голову зверя — значит погибнуть... Самца ли Ольги выстрел?

У самой своей груди Марык вспыхнул осклененный мордой, вспыхнули желтые зрачки глаз, хриплый лизильщик, перекинувшая горло скопинавшуюся сквошу. Руки Марыка совсем ослабели, еще несклоняясь к скульпту — и зверь замергал.

Тяжелый припадок вентиля: крепко ударила по лобастой морде волка. В следующий момент остылым тонким ножом Ольги нащупала сердце зверя.

Марык отдала ощущение ружи. Волк же, не бросаясь отчаянно отчаянно за волка. Это был матери старая лисица со сточенными калеками.

— Ты-сармин хуя (волк прошел)... как бы очнувшись от опьянения, устроил и безразлично обронил Марыка, переворот лук.

— Хуя, — дрожащим голосом подтвердила Ольги.

Марык отошла в сторону и наклонилась за склоном, чтобы вымыть руки и лицо, мальчишескую рубаху, что взмыкала от боли в колене. Наклоняясь, Марык вспомнила Николая, Марыка, который вспомнил разорванный когти на левом ноге и почувствовал теплую смерть в нем. Это была кровь. Зверь прокусил ему ногу в полеме ступни.

...Я мужалась неизвестностью в течение 20 дней, которым определялся инкубационный период при заболевании бешенством. И только когда эти дни, разорванные длинные несметные по горячую работу в стаде, прошли, я вдохнула полной грудью, успокоившись за судьбу храброго парня. Марык Сенг был здоров.

Стенная газета произвела настоящую революцию в чуме. Всобще внимание привлекла риторик, изобретенная поединок Марыка с волчачьей. Всю бригаду подробно обсуждала разную.

— Тюю! сармин (это волк)! — воскликнула Марык, указывая на зверя, пастух которого был убит волком краснавой червячками.

— А это я! —тыкал он пальцем в прозимистую фигуру в мацце...

— А это я! —указывала Ольги, и газза ее синяя.

Газету видели в чуме впервые. В газете были доски черная и красная. На красной были написаны имена: Марык Сенг и Хороша Ольги.

— А первое несметное место в газете, в общем, занимала гурамида Гадзомороту, получившая телеграмму из села «Нимы».

Четырьмя, особого телеграфного шрифта, печатными буквами стояло:

«Москва—Оленегорск»

Я, пастух второго стада, Марык Сенг, убил одино волка, волкамыши вымыслил двухпостель...»

На Ямской улице убийство волка заслужило награду.

В чуме стояла приподнявшая еще один удивленно-известноватая, еще один знатный человек, олени пастух созохоного стада, ямальский ненец Марык Сенг.

Л. Гейденрейх

* Превращение стада.

† Мироб, называемый заболеванием бешенством.

‡ Длинный шест для покутивания оленей.

§ Первый действия микрофа.

ВРАГИ

Рассказ.

Большая икона «нерукотворного спаса», в багором серебряном окладе, под золото, сияла в синеве и лампадах.

Круглый и коротконогий, белый до удивления, благочинный благоговейно поднимал очи купола, молитвенно ульбаясь темноволосому «спасу» и истороплюю обдавался при помощи отца протодиакона, человека башенной высоты, со смуглыми лицом и огромной головой, которая напоминала овечий курдюк. Протодиакон прискасал к благочинному с неуклюжим осторожностью: он, видимо, опасался, как бы не запечь печально «крупноголового» попника и не сошторить перед ним величественное двинение своим. Однако они кружились, или как бы порхали в воздухе, молодой служка, мальчики с херувимским лицом, с плавусой умбкой на пухлых губах. Порхали, он раздувал надин, оправляя скрип и изводил около аналог пордак. Тонкий дымок «росного» даддва медленно поднимался к небесам под низким трансверсальным механизмом и заставлял в лице обиженных ремней передач.

Впереди, прямо перед иконой, чинно стояли мастера цехов, а за ними—старинки-рабочие, почтенные все люди, верные слуги своего хозяина. Головы стариков, тщательно расчесанные, лоснились от «боярского» масла и дешевой помады, которая почему-то пахла свежим огурцом и сыростью.

На отшибе занимало свое место начальство и сам Георгий Иванович Ланге—хоззин завода.

Попик заторопился, опрятно курчавил крахмальные и поглядел на хозяина, как бы ожидая признания... Хоззин, сделав два шага к оградке, глухо напомнил попику:

— Не позабудь отец благочинный, наставление сказать.

Попик поклонился, смирился приложив руку к сердцу.

Протодиакон издал многозначительную речь, благочинный засмеялся и исконе...

— Благослови, влады-ы-ко-о-о.

беспутных, растянутых в разврате, позабывших свое отечество или не имеющих оного...

— Вот это закручивает!

— Тынс, ты...

— Да поди он к чортовой бабушке!..

— Наступил день, когда первые сыны престола и отечества должны сплотиться...

— Здорово долгорызий страстя...

— Попал ко кресту, но кресту попал...

Протодиакон стоит как бык, которого неожиданно ударил кулаком в доб: он заматывает глаза, чуть выпустил шею, но не поддается и скрепро вращая блеклыми, раздувает щеки, отискивая врага.

Попик, с уединенными глазами, поднял крест, благословя склоненное головы...

Генрих Ланге доволен, он пробует улыбнуться, отшельник голые глаза свои, но лишь дрогает вблизи головы и, незаметно для себя, шагает по затмению слухально подвернувшегося ученика.

Через полчаса посыпал солнечные лучи, через полчаса клепали котел для паровой машины и под вздохами корундасты аисты под аллюминиевого железа.

Котельный цех был железнозо-холоден, пиль под ногами и пыльтина в стропилах, тусклые стекла окон немоемичный свет, и, как воробы, оглашенно ученики. Первый и лучший—Василий Синицын, он бегает как полумуравьи: ему нужно заработать сегодня свою тридцать золотых...

Прошло уже одиннадцать часов, кружится голова, сосет под ложечкой и зевает в ушах, как будто бы было кто-то в серебряные колокольчики, которые спрятаны глубоко в мозговых извилинах. Прошло одиннадцать часов. Василий Синицын хочет забарышать больше, чтобы хватило на весь семью. Василье шпицандает лет, но семья у него большая, одному не прокормить, а жримть, кроме Василье, некому.

Когда служанка молебен в механической, Василье молася, он глядел на жгуты лин «спаса» и хотел уйтдат: нет ли в глазах этого «спаса» немоемичного инасты в имении. Василье Синицын? Молитва складывалася, такая:

«Господи, господи! Помоги отцу, чтобы избавился он от золота, или еще лучше, господи, если я сразу вымршу и стану мастером...

Нижний надеждик у Василье не было, и темноликий «спас» смотрел почему-то в сторону, туда, где стоял кам зажигания, Генрих Ланге, а когда говорил проповедь под «спас» как будто ульбается: должно быть, поп умел молиться, а Василье не умел.

Нет, молитва не помогает ученику Синицыну: отец продолжает пыльтистовать, сестру выбрасывают с фабрики. Говорят, нет работы. Мате сядут ходят, скрючеными разматывают, и некуда Василье податься, не на зоту надеться, только на свои руки. Эти руки за одиннадцать часов работы добывают всеми лишь тридцать золотых... а нужно пятьдесят, хотя бы пятьдесят...

— Эй, ты, смистуя, дивясь, что глаза расплюха, не видишь, сплючи, закапки горят! Василье выхватывает закапки из горы, мчится к котлу, просовывает их в готовое отверстие, берет тяжелую поддереву. Скорей, скрой! Кто-то сразу же подстерегает ученика подзатыльником, таким увесистым, что парень сразу, в два скачка, очутился около котла. Гограль оказывается сильнее на руки, но бросите поддереву наездя и третерь слезы наездя. Эвенит над головой молотят котельники, гудят под ударами кулаком огромный котел, летят искры на спину, на лицо, ржавая

паль ест газа. Ученик Васька зарабатывает свои тридцать копеек.

Так тянетсъ вот уже три года. Эти три года прошли для Васьки без скобых изменений, может быть, так пройдет вся жизнь, и ничего с этим не поделаешь: мать говорит: «Судьба», пытливый отец кричит: «Паниница!»

— Васька, такая наша паниница!

Ненавистно, что хотят сказать пытливый отец темными словами своим, но когда сестра Феяня вернулась однажды потому пыльная и шварнула больной матери на колени тренинку, а потом принесла голосьину и разодрала на себе кофточку, Васька понял, что такое «паниница».

Январь горел в седом и режущем памяти, сапоги изнутри горели от морозов, валился на дорогу перемороженный конский помет, солнце выпадало в кружах.

Пространенная туманура совсем не дает тепла, и Васькина грудь не владеривает напора жгучего ветра, и ноги сами собой поднимаютсъ, когда бьет по длинным хвостам поземки. До Калужской на трамвае стоял проезжий посем копеек. Слезящаяся глаза Синицына с занытием проповедуют «новинные вагоны».

«Катаются, дьяволы! — думает Васька, наблюдала за тем, как одетой публикой... — катаются...»

Вдруг трамвай остановился, все кишкали на улицу, появлялись трехребристые флаги.

Закрывали магазины, школы, бывали бешеной кричашей толпой, и сразу все смешались: лестники и ломовые извозчики, гимнастки и студенты, господа в шубах и дорогих пальто, женщины и ребята, купцы и приказчики.

Молодцы из мясных лавок, с широкими ножами у пояса, в белых окровавленных фартуках, подняли на «дальнину» шесть портрет царя. И молодцы из мясных рядов, господа в шубах и кунцах засели глици. Запрудили плодородную почву.

Дома отец, пьянство обыкновенного, очень веселый и возбужденный отца:

— Мы им показали кузыкову мать, не на таких насокочим... Да-дай, Васька, глотни стаканчик, водка ларовая, купцы всех угощают, истикий бог, со мной один расდевался даже, или, говорит, Петро, лопонек бить, с японками война обгнилась...

Васьма винча с морозу чайную чашку водки, тотчас же желудок обожгла таким приятным огнем, что сразу стало все иначе. Васька быстро согласился с отцом, что «японки — чети, не нашего бога».

По утру 22 января 1904 года Васька как и всегда, присыпывая на морозе, бежал на завод зарабатывать свои тридцать копеек.

Зима прошла в сумотохе, и все ждали, что бывательство должно произойти что-то необыкновенное и тогда наступит облегчение.

Рабочие, в особенности в литеиной, были чем-то возбуждены, во чём?

Васька плохо понимал. В обложке (в дешевой складной) в гомоне и сплошной матерщине можно было разобрать гневные слова.

— Ну, будьте вы прокляты, городите, мы еще посчитаемся...

— С голода подыхать или как?

— Народ гибнет, а им хоть бы что, они свой интерес соблюдают: вались к чортовой матери за ворота все сплошь уволыниют.

— Вот тебе и облегчение!

— Обольдуй, чорт, каков может быть от холода облегчение, собирайся, голова с мозгами!

— Это кто же?

— Инженер Лавров приехал, слыхал?

— Инженер Лавров?

Ученик Синицын добавляет цып с «стронутой» коляпкой, ему, помалу, совсем неинтересно, кто и зачем приехал. У Синицына прожил внутренности от золотого города, он даже не чувствует помойного запаха щек и едва слышит, о чем говорят ему:

— Гляди, что пишут, разуй глаза-то!

— КО ВСЕМ РАБОЧИМ ЗАВОДА
БР. ЛАНТЕ!

Безработица растет повсюду, вестя о ней идут с юга, и с запада, и с востока...»

Васька Синицын почесал правую щеку, что деда искал, если чему-либо удивился или не совсем что-нибудь понимал. На прохладном цыганском лице его отчально выступали склады, такие острые, как бугры Васьки только что вымыт из подземелья, где морили его голodom. Он покосился плавцами как больной, изнемогающий от язвы.

— Кто присада? — спросил он недомогаемая.

— Дурак, чорт, — выругалась товарищ, — не понимаешь: рабочая прокламация. В инструментальном языке нашел, а кто присада, вот: «Российская социал-демократическая рабочая партия». Товарищ Лавров разговаривает.

Синицын увидел стоявшего в кругу рабочих

человека в темных очках, и, не слушая больше тафоницу, присоединился к рабочим. Слова, которые он услышал, были понятны. Похоже, говорил человек о самом обыкновенном, что сам собой подразумевалось, но самий смысл этих слов был до него неподдающим и путающим, что Ваське Синицыну даже помыслить там казалось страшным.

— Пойм, помощник, фабриканты вместе с царем были и всегда будут нашими классовыми врагами, не ждите от них милости и подаяния. Это они заставляют работать везь без разгиба, они заставляют вас голодать (платят, ведь грозди), они заставляют ваших братьев и соловьев умирать на войне в Манчжурии... Посмотрите на то, как вы живете: дети ваши вдвадцати городах становятся стариками, женщины чахнут, рабочие умирают от холода и недодания и, наконец, вы сами, отца своих семей, гибнете в беспорядочных пытках, потому что ваши хозяева, ваши начальство, ведут самодержавный полусильный строй ничего вам не дадут и не даст. Царю, попам и капиталистам нужны покоренные, тупые рабы...

У Васьки Синицына выступила на либу пот. его стала одолевать страшная физическая слабость. Хотел было бежать, покрываюсь раза два сделать это, но не смог, прямо, чорт знает, что творилось с ним: уходил не хотелось и оставаться бошко было: «Ага, слыхал, Васька Синицын из сороки бига, где самого царя ругали! Вот он, Васька, запишите его, горите с завода, сущина сиша!»

Поглядел на Лаврова: ничего, человек как человек, чуть усилия пробились, лицо хорошее, добре лице, только глаза спрятаны глубоко за очками и брови сердитые. А говорит Лавров так, вроде рассказы рассказывает, должностного ничего не боится.

Не заметил Васька, как воинчика обдвиненный перерыв. С остервенением стучал молотком, бегал по обшивке, с кирзовыми заклепками от горна к горну и все думал о врагах, которые заставляют работать без разгиба, воевать с японцами и жить впроголод.

Подошел к товарищу, который дядав читать прокламацию, попросил:

— Дай мне, еще буду читать — свернула аккуратно, засунув глубоко за голенище сапога. Работал, да помочил, будто вооруженный чем-то, какой-то особой силой. Бегая с заклепками, встретил самого хозяина Генриха Ланге, остановился на одно долого мгновение и увидел все: и глаза без милости, и тяжелые плечи, и руки длинные, склонные к расправе. Поглядел на хозяина так, будто хотел применить к нему на грудь и засунуть зубами в задни.

Сидя внутри котла на корточках, упряжясь в поддерку, слушал, как бухали кузалы по обшивке: «Враг, враг, враг!»

Генрих Ланге и ученик Синицын разошлись: первый ушел в просторный дом свой, где к чаю собирались господа-заводчики и их жены, а второй бежал на Площадку, чтобы в затхлой полуподвалной квартире еще раз прочесть прокламацию для себя, для больной матери и для сестры.

Мать всасывала руки, ахала, сестра здымалась и подонец заляпалась тихими слезами. Отсек буркнула слыши что-то нехорошее. Тогда Васька скакал кудах, как будто сразу вдрог, зияя ребристую грудь свою и обозвав отца дураком, а потом засыпал спать, уверенный в новоизгрытом им правде.

...припрыгивая на морозе, бежал на завод.

Влас ЧУБАРЬ

Фото З. Тулеса

Среди золотых нив Днепропетровщины за-
терялось небольшое село между Дильтем и
Донбассом—Власовка. Власовкой оно стало те-
перь в честь Власа Яковлевича, одного из за-
засечателей людей Советской Украины и все-
го нового Союза. Да и самой ряботе телера Но-
гина стала «Чубаревская школа». Сорок пять
год назад бывший Влас Чубарь из Чубар-
ьевского района. Было село Федоровка, оно же
Бурдарак, и здесь, в этом селе, 10 фе-
враля 1891 г. начал свою жизнь Влас Яковле-
вич Чубарь.

Семья Власа перебивалась с хлеба на квас.
Отец и мать не знали, единственной
грамотой для них был музей. Смысъ жизни
заключался вкусе хлеба.

«Изучение» состояло в том, что жили-
ца села, не одну замечательную листогу в старой России.
И молодому Власу приходила то же судьба. Стар-
шая сестра с детства гнула спину батрачкой у
кудаев. Влас видел ее, вымощенную исполосован-
ными трудами. В детском мозгу рано зародилась
тревожная мысль: «Неужели и мне придется
делать то же?»

Где бы родил жизни и иные люди. Где
бы обитали люди, которые не хотели и
не дарили за то, чтобы пить с поднятой головой?
Широрий, прописанный Дильтем и промышленный Донбас раз забрасывали и в убо-
гую Федоровскую людьми, видевшими большие го-
роды и большие горячие скотобои. От них, от
их рассказов, от их смелого вызова судьбе и
врагам потянуло к книгам, и той настойчивой
вражде жизни, которую можно было узнатъ
из учиненных ими романов. И Влас Чубарь
учился читать еще до того, как перед глазами
раскрылись двери школы. Но чем больше он
читал, тем больше хотелось читать еще. Еще.
Что-то раздвинуло горизонты жизни—она стала
интересной. Теперь уже была одна путь—шко-
лу. Как ни будни были родители Власа
и смили им засталось воспитать, вместе с
дорогой.

Все пришло в школу счастья, маком-
ральные полемикиного срока. Он стоя одиннадцати
учеников. И все эти по окончании школы
его не выпустили и задержали на год,
царский закон не допускал, чтобы люди стоя-
вались грамотными, равно дозволенного на
личном властите.

Школьные борозды—«всесто, какое слово
было придумано! Учитель любил говорить:
«За этого двух любят, а за этого другого
истину проводят в жизнь строго. Были и
Влас. Не всегда за проявности, а там, для
острастки, для воспитания страха божия и люб-
ви в начальству».

Примитивный детский анализ уже тогда
раскрылся перед Власом правду классового
строя. Вот примерщик, поп. Поп и селе—важник
поселка. Чубаревка поменялась почти рядом с
хатой Чубаревки и вспомнила о себе. Чубаревка
принесла во все ее тайники. Поп был один в
горнице и школе и другим в жизни. Оны не
думали выжить, и, когда занимались, орад и руга-
ясь не хуже любого смертного! И мало-помалу
Влас потерял веру в бессмыслие открытие,
которым гордился поп. Этому помогло и то, что
Влас часто бывал среди взрослых, которые не
знали ни понов, ни эзико церковной обрядности.

За ржаной хлебом, за горячими бородами. Пара-
хана, дешевка, но уж с берлогой. В маленьком
Власе просыпалась революционер. Он в школе
вместе с другими ребятами жаждала пока-
зательных вопросов: почему, например,
одни люди белые, а другие бояться? Поднимали
много других опасных тем. Поп мало гна-
ял, запутываясь из эзико голосом и в конце кон-
цов, запутываясь в лабиринтах перекрестков
вопросов, терпеливо и прогнила беспомощностью
речи.

За стены школы дети видели тот же обман.
Поп гноил собранный на крестьян хлеб. Этим
хлебом, собранным у бедноты, порнили своих
счинец. Ребятам не раз приходилось вытаски-
вать хлеб из синварника, чтобы подавляться
дома хлеб бывал далеко не всегда.

Первым учеником жизни для Власа был, не
пог, а сосед-сапожник. Сапожник был талант-

ливым саможуром, любил читать книги, выписывал
авторские журналы. У него часто собирались профес-
сионалы и всем недовольственные люди. Это был своего
рода политический клуб. В этот клуб приходили рабочие,
строившие деревню, заселяли «студенты»,
пробирающиеся из Екатеринослава в Юзовку или в Ростов. Попадали в этот клуб
прокламации социал-демократов и социал-рево-
люционеров. Влас приходил к сапожнику, вы-
слушивал его, сидел в залитой ярким светом
зале, слушал споры, выслушивал книжки и
брал некоторые из них с собой. Чубаревка «без-
них знаний», «Самообразование», где говорилось
о всех науках, разные узнал о Дарвине. Дарвин
бросал эзико попсовскому болту. И в этой борьбе
с ботом Влас сразу стал на сторону учено-
го. С детских лет он выбросил из головы боязнь
и вступил с ним и проявленной перед
ним силой в борьбу. Влас начал в 40-х годах когда
начальство: попы, учителя, сапожники, учи-
рвало свой авторитет и в головах белошины укреп-
лялась мысль о независимости революцион-
ной борьбы. Это характерный факт юношеской
большевистской биографии. Отрицание капит-
ализма начинается с отрицания Бога. Разру-
шение этого авторитета, ребяческое легкото и все
остальное авторитета буржуазного общества.

Однажды лет Влас вышел из начальной
школы и не вернулся.

Оставшиеся на помехи не хотели близких
мысли прапорщика—для села большому вину-
нию, и Влас поступил в 1902 г. во вновь от-
крытую в селе двухклассовую школу. В школе
он был самым младшим, а был вместе с ним
в классе и восемнадцати- и двадцатилетними пар-
нями. Влас жил жизнью взрослых, участвуя во всех
школьных и внешкольных занятиях. Все
школьники сложились политическими круж-
ками, где молодежь и взрослые обсуждали заболе-
вшие вопросы.

При школе открыты вечерние курсы
для взрослых, куда поступало все подорожнее
на селе. Попал учиться грамоте даже софор-
астей от Власа и другие неграмотные кре-
стьяне, пошли учиться и грамотами, чтобы полу-
чить удостоверение.

В селе было сороки бороды. Урядник, поп, учитель начальной школы—закаленный до-
бринин, ладчиков и узников школы и доно-
сил на учителей, что те разводят «европа-
зии», учителя двухклассовой школы проделали об-
единение в школу и в педагогических кружках пе-
редовых людей села. Революционные литерату-
ра пачками приходила в село и расходилась по

рукам. Кружки начали политически определять-
ся в социал-демократические и социал-револю-
ционные.

Начальство не могло дальше терпеть «евро-
пазии». Весной 1904 г. нагрянула полиция и
западары из Екатеринослава, арестовали учи-
телей, обискали все это по списку, составлен-
ному урядником попом, арестовали некоторых
кружков.

Осенью Влас уехал в Александровск—в ме-
дицинское училище. За способности он
выпустил заслуженный. В городе учи-
лище совершило полную язва, да и учи-
лище Надежда 1905 год, и город, имел небо-
сколько тысяч рабочих, числа общественной
жизни. Сходки, митинги, собрания, лекции—
все это увлекало Власа. Его привыкли тануть-
ся к взрослым, вышибали сидевшими еще в селе и
школе, жаждя знания, толком не из все эти
собаки. Это было начало величия 1905 года.
В селе никаких рабочих в рядах
школьной молодежи большевистской партии
была большая влияния. Учителя Власа пришли
из революционной среды. Всю радость сбли-
зили с этой средой: здесь уже открылся
путь к новой жизни.

Увы, радость оказалась недолгойней! Цы-
рик испугалась волны народных движений и
попыталась удушить их в потротуарах.

Бесной учителей арестовали за учениками
тоже установлено саски. И жить и рабо-
тать приходилось в колодке шинок. Загля-
нула охранница и в село, потому что и туда
пришли из Екатеринослава рабочие из про-
партии. Под подозрением воровства болота, тоже
и старик Чубарь. Надо не было Власу
оставить дома кое-какие желикони! Но так
как старик и старуха были неграмотными, по-
этому привязалась тяжести Власа. Тренировали
него революционера драчевали три дня! Но
он уже знал азбуку кавказской борьбы и от-
вечал так, что полиции в ходе конфликта машин-
ы на улице и уничтожила его в поисках. Паровоз
зашел в леса, уничтожил его в поисках. Паровоз
зашел в леса.

Деревня будила, разверзнувшись ветер за-
летел в нее во прохладного Екатеринослава;
встречавшиеся волны в часы чаще загадывались к
крестильным; подбиты полымя и черной сот-
ней толы темных, земесклистых людей па-
бралась на тех, кто был наступлен началь-
ству. Громить начали евреи, а потом разстро-
мали всех, на кого указало пучье, в том
числе и старика Чубарь. Недавно пришел
к нему солдат и сказал: «Надо не было времена ух-
одить. Елагорда сажала с рабочими-револю-
ционерами Влас перебрался с одной рабочей
квартирой на другую.

Он поехал обратно в свое село с земляками-
содатами, возвращавшимися с японской войны
полутишинами, поезд по время деда-западород-
ной забастовки.

В Федоровске они застали карательную экспе-
дицию. Казаки громили село, изымая революцион-
ные крестья. Влас и тут пришлось скры-
ться. Вскоре он заболел тифом и лихорадкой...
Процессия с солдатами и офицерами весной 1906 г.
зародила в деревне Чубаревке панику. Но
полицейские сажали, заворачивали
в жажда в рабочем районе, участвовали в социал-
демократических кружках, а живой практик-
тическая наука марксизма.

В 1907 г. в Александровске вернулся из
своих земель болгарин. Он быстро соче-
лся с попом. Он выступил с обличием собою болгарин-
ка. На этот путь, заслуженный, стоял
одинокий камень. Попа не отмечалась взы-
мостью, но пыталась сажать, заворачивать
в жажда в рабочем районе, участвовали в социал-
демократических кружках, а живой практик-
тическая наука марксизма.

В 1911 г. молодой Влас Яковлевич учился
в техническом училище, сознавая учебу с лас-
кой работой на заводе (надо было зарабаты-

шать деньги на учебу) и с нелегальной деятельностью членов социал-демократического кружка. Это «самоизвестство» быстро нааванско-ни его забытое название подняли и охраняли. И вот в Донецке, в Донбассе, в Донбасе, где распространяла литературу и доставляла ее на склад. А литератору его лояльных движимых обра раз Влас ускользал из рук стряпчих. Одни раз его вели этапом вместе с тремя другими арестованными пленком из Гуль-Поли и Александровске. Веневом приготовились к залогу, и Влас, использовавшись случаем, удалился из под стражи. Ударом по второй руке, и вновь Власа вынуждали сидеть в Соловьицком лагере. Он был молод, полон сил и отважен: «мы не хотели быть виновником царским застосунком».

Началась обычная типовая жизнь пролетариев-революционеров. В 1911 г. Чубар, после нескольких попыток поступить на екатеринославские заводы, попадает в Краматорск, в шахтно-строительный завод. Заново сразу открывается для него возможность занять место партийной деятельности. Влас несущий уходит в нее. Эти же деятельности приводят его в тюрьму. В 1912 г. за участие в забастовке его арестовывают. Держат под замком без суда. Так проходит почти год.

Выйдя из тюрьмы в конце 1912 г. он все же неожиданно переносится в Марксовский завод, где также неожиданно долго задерживается, и в конце 1913 г. отправляется в Москву. Снова работает здесь на заводе и снова участвует в политической борьбе. После майской демонстрации 1915 г. его мобилизуют как воинов-безработных. Но задачи армии войны вынуждают царское правительство возвращаться на производство квалифицированных рабочих, нужных для военных производств. Чубару дают в конце 1915 г. с группой других рабочих посыпают в Петроград на один из военных заводов.

Во время Февральской революции Влас Чубар — передовик-революционер, большевик, пользующийся большой популярностью на заводе. Он быстро видит, что становится членом фабрично-заводского комитета. Он выступает и в числе всей рабочей массы противников на первой конференции его выбирается в Петроградский совет фабрично-заводских комитетов. Его знает весь рабочий Петербург, его называют все заводчики и фабриканты.

Наступает Октябрь. Влас Яковлевич становится одним из активнейших руководителей ленинградского пролетариата. Ему поручают ответственный пост комиссара Главного ар-

тиллерийского управления. Здесь постепенно формируется тот первоклассный военный совет руководителей, какими мы знаем Чубара сейчас. Он выдвигается в первом составе Совета рабочих и солдатских депутатов в Совет народного хозяйства. Он легализуется Центральным советом фабрично-заводских комитетов в члены президиума Совнархоза, проводит большую работу по собиранию, концентрированию промышленности, брошенней ее бывшим владельцам. Одновременно Чубар занимается организационной работой в различных созывах.

В эти же годы первых революционных лет, когда останавливались цехи и заводы, когда под горы артиллерийских бомбардировок захвачивалась основы будущей социалистической промышленности, он проводил трудную, начальническую работу. По инитиативе артиллерийского совета он организовал собирать рабочих вокруг основы трудовой дисциплины. А после перехода правительства в Москву Чубар проводит наднационализацию промышленности Сормова и Коломы и работает по восстановлению. Он один из первых критиков директоров.

Но это было только начало. Организатор, умеющий собирать, обдвигать, преодолевать, подать идеи, Яковлевич, во всей своей силе развернулся в Украине, когда страна поглощена в 1920 г. Здесь, после разгрома белогвардейцев, приходится все изобретать сначала. Промышленность Украины была разрушена германскими, белогвардейскими, антибольшевистскими. Нужны были сильные большевистские силы и крепкие большевистские руки, чтобы двинуть страну вперед, чтобы воли и такие руки имелись у Власа Яковлевича.

Он занимается и транспортом, и металургией, и плавильщиками. Он член рекомендательного комитета Укрспецстроя, участвующий в освобождении Украины от белогвардейско-петлюровского насилия. Он председатель Украинского совета народного хозяйства, организующий промышленность Украины. Он член ВЧИК, энергично борющийся за создание основ социалистической промышленности в условиях разоружения. Он член ЦК КП(б), один из признанных поющим лидеров украинских большевиков. С 1921 г. он капитан, а с 1922 г. член Центрального комитета ВКП(б). С 1922 г. он управляет государственной каменогорской промышленностью — в самое ответственные годы восстановления Донецкого бассейна, когда только геронимические усилия партии этот западнейший промышленный центр страны был спасен от гибели.

С 1920 г. он замещает председателя, а с 1923 г. назначается председателем Совета народных комиссаров Украины. Вся напряженная восстановительная работа на Украине, борьба за механизированной Донбасс, за Днепрострой, за первую металургическую базу Союза — эта гигантская работа, сделавшая Украину цветущей страной, жемчужиной Советского союза, предложенная под руководством выдающегося инженера и истинной величиной учителем Власа Яковлевича. Вышла из крестьянских изб деревни Славяносербска, пройдя школу пролетарской борьбы на заводах, он отдал родине стране всю свою энергию, инициативу и волю, чтобы слепить колоссальные погоды цветущими и блистательными, а промышленностью передовой, сильной, электрифицированной, чтобы покончить с тем яром инициативой, которой он отдал свою силу как в своем рабочем, чтобы построить, как учил Ленин и учил Сталин, в нашей стране социалистическую страну.

Сейчас Влас Яковлевич по привычке занимает место Помощника Центрального комитета партии в заместителе председателя Сомхаркома Союза. В его руках — ответственные члены советского и партийного строительства. Член боевого большевистского штаба — он участвует в управлении сложнейшими в мире механизмом социалистической страны.

Нет ничего случайного в том, что Влас Яковлевич знал эту страну лучше всех. Он родился в ней, в ее деревнях, в ее городах, в ее промышленных центрах. В течение многих лет подполья революционеров, борьбы с социал-демократическим строительством партии и рабочий класс нашей страны отбирал у людей, которым они доверили руководство. Они отбирали лучших, тех, кто умеет по-большевистски организовывать массы, руководить ими, вести их в бой и побеждать, тех, кто «за долгом партийном путем закалка и боем свою большевистскую волю, прошел ее первым через все испытания и счастья, и она растеет». Алан Столтен.

Такой человек, такой руководитель и Влас Яковлевич. Среди многих выдающихся людей, которых дали нашей партии трудящиеся массы Украины, Влас Яковлевич, безусловно, принадлежит к числу самых выдающихся. И потому, что он воплотил в своей жизни и в своей деятельности черты передового революционера и организатора, и потому что он родился в годы своей жизни борясь за партию, за диктатуру пролетариата, за социализм, братской связи советских республик, партии, выдвинувшей его на выдающейся в нашей стране пост.

В гостях у брата ЧАПАЕВА

На одном из заводов Ставрополья работает стародором брат легендарного героя гражданской войны Василий Иванович Чапаев. Когда в Ставрополе демонстрировалась фильм «Чапаев», Михаил Иванович часто вспоминал в кинофото перед началом сеанса.

Он рассказывал о своем брате, Алапиевском, прерываясь его речь. Михаил Иванович — светлосукий, бодрый старик, ему под шестьдесят.

На Ставрополье, где работает Михаил Иванович, он лучший ударник. У брата Чапаева работы по горючим он активно участвовал в лесокомплексных субботниках для помощи детям погибших революционеров, он занимается с комсомольцами и юнгами быть «готовыми к труду и обороне».

Под конец ветеран Михаил Иванович возвращается домой, а в его квартире оказывается сюда со всеми концами Покояльные приехавшие друзья Василий Иванович, бывшие товарищи Чапаева. Вот один из них, Прокопьев, вспоминает:

— Это был лучший момент... Наш отряд в боях под Николаевкой был почти наголову разбит... Технику... Я и еще несколько человек одна забыли от расстрела. В это время на лежком диване прислонил сам Василий Иванович и тут выбросился на меня: «Дура ты, какой же ты командир, если этой отряд разбит!»... и с этими словами Василий Иванович скомкал свой протяжно: «Шо-о-о-о-о!..» И тут же вместе с остатками моего отряда красная команда Чапа-

Михаил Иванович Чапаев (слева на переднем плане) рассказывает о своем брате-герое.

Чапаевским просвет Михаила Ивановича рассказал о детстве и юности своего командира. — Бедность заслуга нас, — говорит Михаил Иванович. — Хлеба не хватало, семя, а лопацейкой да чиновники последнюю рубашку снимали.

Василий Чапаев с малых лет батрачил, пас скотину, а когда война началась, darf забрал Василия, и его арестовали в городском Перемышле его племянник.

Василий Иванович с фронта выехал в Самару... В 1917 г. в городе Пугачеве он принимал горское участие в восстании против буржуазии, офицеров, юнкеров. Там он же первый показал!

Василий Иванович умел сажать картофель, себя красивым парнем считал, и для него голова никогда не была проблемой. Сам он особенно симпатичен с землемирами Михаилом Васильевичем Шурепов, а в циновки — с комиссаром Фурмазовым.

Воспоминания Василия Ивановича стала во главе небольшого отряда, затем коммандиша вскладчину, а потом уже стал коммандиша боевой Чапаевской дивизии.

Человеком, о нем сказывались добрые воспоминания... Жизнь свою он отдал за дело Ленина... Ставрополь. Сейчас есть город Чапаевск, а там, в центре, многое носит имя Чапаева, только вот мало кто знает о Чапаеве, — оканчивал свою речь Михаил Иванович.

Р. Вайнтрауб

Рабочий момент на съемках фильма.

Дозор заметил кавалеристов противника.

„РАЗЕЗД № 26“

Командир кавалерийского взвода в штабе полка получает задание — к 22 часам вы явить, что происходит у местечка К., и донести об этом в штаб.

— Задание понятно, товарищ комаввзвода? — спрашивает начальник штаба.

— Так точно, понятно!

Мультиплексионная карта сразу загадило расцветкой, и команда получила постановление о тактическом задании: он должен обойти лесок, находящийся слева, стараясь не выходить на большую проезжую дорогу; дозора его разъезды могут продвигаться также и с другой стороны, через густые заросли кустарника. Так с двух сторон они должны подойти к местечку К. и установить связь с агентом и его офицерским полком, не замечаясь для противника от него нападения войск противника и т. д.

Командир взвода, тщательно продумав задание, выделяет несколько дозоров. Они должны сигнализировать обо всем, что будет ими обнаружено.

И вот пришпорив коней, дозорные пошли в разноку. Первая часть пути уже позади. За деревней они покинули проезжую дорогу. Пройден и следующий этап маршрута, команда проходит свою поисковую разведку, плавучечную на лошадь, передает первую шифрованную телеграмму в штаб полка.

Так, постепенно продвигаясь, дозорные доходят почти до местечка К. Остановившись, они совершают паузу, чтобы не делать слишком много шума. В это время до них доходит звук, который напоминает крик собаки, визжащую образованнойшейся. Рассматривая местечко К., они замечают какое-то свечение на солнце... очевидно, от стекла бинокля противника.

И действительно, у самого высоты заселен дозор противника, подготовившийся встретить разведчиков из полка. Лаяющую собаку, визжащую приступке посторонних, по приказу, «когда, приказывают».

Наш дозор сигнализирует командиру взвода присутствие неприятеля, и команда принимает серьезное решение. Взвод разбивается на две половины. Одна уходит в глубь леса, другая сворачивает с дороги и ожидает сигнала, чтобы броситься в атаку с тыла.

Разъезд офицерского полка, обнаружив дозор красных, моментально удалился к своей базе, решив пройти лесом и уничтожить их. Не подозревая о засаде, неприятельские кавалеристы проделывают все глубже и глубже в лес. По сигналу командира нашего взвода красные, ссыпав сабли, сбрасывают седла и начинаются на противника. Не успевают стрелять из пистолетов, противники покидают коней наезд, но этот путь отрезан: красные бросаются с тыла. В этой стремительной схватке красные почти полностью уничтожают разъезд неприятеля, обезоруживают пленных и пускают их на все четыре стороны, уничтожив захваченное оружие. Все это для того, чтобы не сдав-

На снимках: в разведке; командир взвода получает задание в штабе полка; командир взвода тов. Янубов.

вать нашего кавалерийского взвода, который, очевидно, столкнулся с дозорами крупных сил неприятеля.

Первые несколько раненых красных бойцов наш разъезд отправляется дальше. Он подходит к деревушке. Здесь красным команкам предстоит разрешить ряд новых задач. Местное кулацкое население, несомненно, будет действовать офицерским разъездом, сообщая о передвижении красных, о членстве в партии, о войсках и т. д. И наши дозоры, склонившись над картой, вспоминают, что в деревне есть красный воин, красный воин, обнаруживший бывшего вахмистра белых. Угрожая вахмистру налогом, красный боец предлагает ему сесть у окна и сир проходя неприятельских разведчиков на вопрос, в деревне ли красные, давать отрывистый ответ. И вот неприятельские самокатчики, въезжающие в деревню, вахмистра спрашивают: «Красные ли в деревне?» — «Да», — отвечает вахмистр, и они способно проявляют дракон. Наш разъезд, замаскировавшись, идет вперед по пути, чтобы с ним легче было покинуть на открытом и нешироком для них месте. Для снайперов — воронежские снайперы — стреляли уже засел на плацем. Следом командир взвода и самокатчики одни со другими замыкают путь со своих вспомогательных.

Но и красных тревога. Два наших дозорных из-за собственной опасливости обнаружили офицерский разъезд. Впереди и по сторонам противника. Красные кавалеристы решают войти в лес, чтобы встретиться со своими, потому что хотят в засаду, и чтобы не попасть обратно к штабу. Они идут по краю леса и вслед за пересекшим дорогу замешают во скользких отбивающихся неприятельских самокатчиков.

С писками ногод бросаются на противника, расправляются с ними и тотчас же скрываются в лесу, присоединяясь к своим. Кавалерийский разъезд выполнил свое задание в полном составе с нескользкими легко ранеными бойцами, возвращаясь в штаб криком:

Мы рассказали вкратце сюжет съемок военно-учебного звукового фильма „Разъезд № 26“, выпущенного московской фабрикой „Союзтехфильм“.

С самого начала картины зритель становится активным участником выполнения тактического задания, данного кавалерийскому взводу. С напряженным вниманием и интересом зритель следит за развертыванием действия.

Картина приобретает огромное значение. Она привлекает гражданскую Советской страны необычайно ярким и живым изображением ее самого первостепенного звания — рода.

Умелие писца в картине ряда приключений, эпизодов показывает ее доходчивость и впечатляющий. Это большая заслуга и режиссера Д. Боголепова и сценариста В. Михулина. „Разъезд № 26“ получил высокую оценку С. М. Буденного и ряда военных специалистов.

Мих. Долгополов.

Мечты и планы

УВЛЕКАТЬ, ВОЛНОВАТЬ ЗРИТЕЛЯ...

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОКРОВСКИЙ.
артист театра им. Вахтангова

По молодости лет мне не пришлось работать на сцене дореволюционного театра, но по рассказам, по книжкам и знаю, как тяжело и испытывало жажду многоим артистам, особенно молодым. Мне было интересно слушать, что же происходит в театре, читать четвертый или повара «Альбинон» им станет хорошо. В мире беспечностей и злых мечтаний жизни тогда молодые актеры...

Иначе складывается судьба советской артистической молодежи.

До театра я работал переплетчиком в связи с тем что фотограф Ольга, был инструктором по радиокультуре, председателем завкома. Я ухитрялся тогда находить время для посещения кино-курсов. Я мечтал о театральных подмостках. И я поступил, наконец, в школу театра им. Вахтангова.

Здесь я начал с работы сотрудника (участника массовых сцен). На втором курсе я уже дебютировал роль доктора из пьесы Максимилиана Горького «Егор Балакин и др.». На третьем — исполнил роль Юрия из пьесы «Достигните и другие». В спектакле «Человеческая комедия» (по Бальзаку) я играл Мишела Крестена. В «Шансоне» Патеттино — секретаря парткома. Это учило значительно более серьезному роли.

У меня есть мечты близкие и далекие. Есть мечты, которые ждут воплощения в самом близайшем будущем. В пьесе Абрикосова «Дядя Кеке» есть роль Генадия, меня очень волнует. Я сорвавшись с моим товарищем по сцене Хоцкевичем на право исполнить эту роль.

Лучший из нас будет играть в первом составе исполнителей, второй будет дублером.

Но есть у меня еще одна мечта. Думаю, что это «боleem» не только мы, актеры, но и художники и писатели, драматурги, кинорежиссеры — о создании ирреального образа молодого человека — строителя социализма. Надо, чтобы зритель уходил предельно взволнованным из театра, чтобы он захотел быть таким же, как этот, еще не обозначенный именем и фамилией — подлинный герой нашего времени. Вспомнил я пословицу: «Надеянье — вино». Но нужно, чтобы Чайковский наших дней заставил сцену.

Коллегству театра им. Вахтангова в связи с постановкой балканской «Человеческой комедии» пришлось уладиться с тем, что только в спектакле писателя, но и в балканской писателя, но и в балканской

в богатейшую литературу и пикнографию текст. Поэтому каждая книга, будто это Стендаль, Бальмонт, Гоголь, Эдгар Сю, историческое исследование, сборник публицистических статей, заметка в газете, шеста, легкомысленный всплеск юношеской песенки... все они говорили о героях эпохи, о молодом человеке.

Мы как-то вспомнили Неструев, чтобы он самое своеобразное реализовал свое творческие замыслы, чтобы они подобно величественным художественным произведениям создали миниатюрный, обаятельный образ молодого человека нашей эпохи.

Это наши самые большие мечты. Страна окружила нас, работников искусства, таким вниманием и любовью, что хочется отблагодарить великую родину подавленной замечательной игрой.

ДАТЬ ИДЕАЛЬНЫЙ ПАРАШЮТ

ИГОРЬ ЛЬВОВИЧ ГЛУШКОВ,
начальник оптико-конструкторского отдела Парашютного завода

Моя специальность — парашютостроение. Качество продукции нашего завода я зевал раз проверяя на себе. Десять раз раскрывалась парашют. Я прямиком все с большой и большой высоты. Надежно парашютное инструктора парашютного дела.

Советское парашютостроение возникло благодаря тому, что партией и правительству создана мощная азиация. Мы многое сделали в своей области, но еще больше предстоит сделать.

И вот — мы начнули мечтать. Это — не блаженство мечтание, романтическое витание в мифах, аллегориях и потусторонних. Согласен нет. Наша мечта насквозь действенна, оперативна. Партия и правительство поощряют нашу мечту, да и я не отошел от нее, пока не покинул парашютное. Мы обладаем китами, материалами, чертежами. Мы ищем инструмент. Почему «мы»? Потому что многие важнейшие проблемы парашютостроения можно разрешить только колективом. Но это не значит, что индивидуальная работа взята.

Я помню конструкторской работы, собираю материалы, для бронирою детькам парашюты.

Что это значит? В моей брошюре простыми и ясными словами рассказы (чертежи будут приложены) о том, как любой пионерский от-

ряд может слепить парашютики для сбрасывания небольших физрук. Ведь у парашютиста — это осадительное будущее. Нужно, чтобы парашютист был понятен человеку с детства.

На работе над брошюром предстающее мечтание: у меня небольшая комната. Я, лесина, санитара Лесина — тесно. И я мечтала о большой жизни-площадке. Мечта реализована, потому что мне уже обещана производственная комната.

Основная моя и моих товарищей задача — добиваться наивысшего качества парашютов, наилучшей формы купола, устойчивости парашута и т. д., чтобы прыжок с самолета был легким и абсолютно безопасным.

Под парашютостроение надо подвести мощную теоретическую базу. Этим мы занимаемся на своих предприятиях, в кружках и в парашютной секции в Центральном совете Освоениям.

Собралася я как-то в Теряеву ремонтировать постновому «Отвязанного труса». Оказалось, что посыпалась пыль. Не буду засиживаться, когда вспомнилось, что глядела кайтсующе лице письма — парашютистом, которому я решил посвятить себя целиком.

Проникновение парашюта в толщу быт-законное торжество отважной юности.

ВОСПИТАТЬ ИНЖЕНЕРОВ

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ

ВАСЛЬЕВ,

Октябрьской ряны

преподаватель физики 27-й школы

В 1928 г. я окончил школу, в которой сейчас преподаю. Еще когда мой преподаватель увлекал всех учеников занимательными рассказами и опытыми по физике, я занимался, сидя за письменным столом, в своем кабинете, изучением физико-математического. Я стал им.

Сейчас я заночник физико-математического отделения педагогического института им. Бубнова, но мне хочется стать «чикоником», чтобы еще больше повысить свою квалификацию преподавателя.

Я поставил свой целью сделать физику занимательным предметом.

Вокруг технической реконструкции страны делает ребят. Они мечтают быть Иоффе и Форензами, конструкторами, автомобилистами, инженерами.

Часто приходится ломать голову над тем, чтобы активный метод ведения занятий был интересен. Я о физике пишу книжки. Школьные окошки класса задергиваются, черпая знания. Под знакомое потрескивание

раздаётся слышать за «занимательной», подняв стекловую узелку, я — я же не Румфордская матушка, а на засыпных установках Харьковского и Коблевского институтов — показываю модель. Я читу живопись, которые к какой-то мере помогут либо мне в моей работе.

В нашем кабинете физики, который из-за тесноты помещен в маленькой комнате, работает под моим руководством занимающиеся. Мастерят различные физические приборы, которые даже наметанный глаз с трудом отличит от приборов, сделанных на фабриках и заводах.

Надо помыслить о конструировании. Но помыслить образца работы создают такой же патетик для школы.

Занятия скандализуют меня. Я хочу, чтобы каждый мой урок был похож на художественный рассказ. Для этого я ищу удивительные, запоминающиеся детали, эпизоды факты и притчи, которые бы могли бы вдохновить нас на физику. Надо, чтобы рассказ преподавателя всплывал в памяти школьника как мотив песни, как поразительное воспроизведение стихотворной строки. Я много читаю, выковыряю время для зине и театра. Всё это не только отдача, а наполнение материала для моей ежедневной работы.

Работа очень воспринимаем. Стоит подать им мысль, а они уже мастера конструирования. Они спорят, проявляют интерес к новому занятию, придумывают фантастические технические идеи и т. д. Я мечтаю увидеть их когда-либо инженерами и учеными.

Сюда кипитука. Я мечтаю о типике. Десять месяцев наружинской работы в щумной школе надо компенсировать отходом в деревне. Я уезжу с собой связку книг, вспомнился, буду плавать, кататься на лодке, читать... Но есть и другой проект. Ученики ставят классы по типике, совершают экскурсии по городам и областям. А я предлагаю. Может быть, гражданское патентное патентование не разрешат, то поездку по холмам одного из районов, Московской области я с энтузиазмом бы. У меня есть одна мечта — в колхозах, с помощью ребят, по опытам, простым и доходчивым, агриторговать за изучение замечательной науки — физики.

ОДНА НАД ТИХИМ ОКЕАНОМ

Перелет американской летчицы Амелии Эрхарт

Амелия Эрхарт сравнительно быстро научилась пилотировать самолетом. Она прошла школу высшего пилотажа, ее не пугали мертвые петли и стремительные пике. Она любила самолет, поскольку в нем было вдвое больше веса, чем в ее телах. В громе мотора ей слышалась громкий звук в кабине над водопадом стихии.

В начале 1928 г. Эрхарт с двумя спутниками совершила на трехместном самолете перелет через Атлантику. Она была первой женщиной, решившейся перелететь океан.

Через год она установила мировой рекорд скоростного полета для женщин. Эрхарт в сороковой године жизни стала самой известной женщиной. Популярность ее быстро растет. Она становится новой мировой рекордсменкой скоростного полета. В мае 1932 г. она совершила отважный перелет через Атлантический океан, проболав в воздухе 14 час. 56 мин.

Амелия Эрхарт становится знаменитостью. Ее портреты и подиумы не сходят со страниц газет и журналов. Столоночные американские шарманки лягут в руки женщинам. Амелия предвещает смущую соотечественницу. Девушки ей завидуют. Она ежедневно получает сотни писем с просьбой прислать свою автограф.

Эрхарт продолжает ставить новые рекорды. В августе 1932 г. она отправляется в морской одиночный перелет с западного побережья Соединенных штатов на восточное побережье. Погода сутичала с самолетом в воздухе, прометя дождем на 19 час. 04 мин. 08 сек.

И, наконец, перелет через Тихий океан. К земле Эрхарт готовилась особенно серьезно. Ей надо было пролететь над океаном две с половиной тысячи миль. Она должна была добраться одна.

Совершить посадку на открытом океане было решено на самолете, находившемся в работе мотора — с закрытыми вентилями. Необходимо было обладать большими личными мужеством, выдержкой и отвагой, чтобы несмотря на все это решиться лететь.

Амелия Эрхарт решилась,

Метеорологические склады предложили отлучную погоду. Однотипный самолет «Локхид-Вега» с мотором в 500 лошадиных сил, изготовленный в 1931 г., был готов к отлету. В его баках находилось 500 галлонов горючего. Этого запаса должно было хватить примерно на 20 часов беспосадочного полета. Оборудование по последнему слову техники, «Локхид-Вега» как нельзя лучше подходил для тихоокеанского полета.

11 января 1935 г., в 22 час. 15 мин., по восточному времени, Амелия Эрхарт взлетела

Карта перелета.

из Гонгоулу по направлению к Окленду. По пути же мидиатура за несколько месяцев до нее совершила грандиозный перелет австралийский летчик Кенгсфорд-Смит и капитан Тейлор. Они покорили это расстояние в рекордное время — в 14 час. 59 мин.

Но Гонгоулу не задавалась целью побить их рекорда. Она хотела показать всему миру, что ей придется затратить больше времени, чем ее предшественникам, но зато она летела одна, а это значительно сложнее, чем лететь вдвоем...

Перелет начался...

...Самолет — на высоте около 7 тыс. футов. Глубокое, пурпурное небо рас простиралось над летчицей. Под крыльями лежала океан, угрожающе и опасно, подстерегающий добывчика. Рюкзак гудел, мотаясь.

В радиосвязи с приемником с метеорологическими складами вращались грохот и взрыв джазовых, заумных мелодий танго и журнальной любви. Время от времени Эрхарт слышала голос находящегося на материке мужа, который с беспокойством осведомлялся:

— Как ты себя чувствуешь, крошка?

И она переключалась в эфир лаконические радиограммы, состоящие всего из двух букв: «OK». Это означало:

— О, мой, все в порядке, я в безопасности, звезды чудесны! О!-лей! О!-ней! Неожиданно впереди раскрылся застенный пелена тумана, скроуя со всех сторон окутавшую самолет.

Эрхарт постаралась как можно скорее выбраться из тумана, но, когда это, наконец, уда-

лось ей, она попала в скользкий ложе. Ветер трясла машину, силком встряхивая ее. Скорость резко уменьшилась.

Несколько раз в течение долгой ночи Эрхарт попадала в туман и дождь. Утро вошло не опушкала усталости и измученности передавала в эфир спокойное «Окей». Уже несколько часов она была в пути. Яркое солнце блестело на крыльях машины. В наушниках зверлялся:

— Доброе утро, Амелия!

Это ее приветствовал муж.

Вдруг под крылом выплынуло ясное очертание берега.

Этот радостный воскликнула:

— Земля, земля!

Воздушное было настолько велико, что Эрхарт не подумала, каким образом в открытом океане может появиться земля, не обозначенная на карте.

Вскоре она убедилась в своей ошибке: оказывается, на высоте 2—3 тыс. футов тучи прыгали берегом. Но землю не видела. Но пролета у нее было несколько подобных случаев. Это ее дразнило. Она начала перепинять...

12 января, в 9 час. 15 мин. по восточному времени, Эрхарт впервые отправила радиограмму: «Я страшно устала». Она действительно чувствовала себя сильно разбитой.

И когда, наконец, она увидела настоящую землю, твердую землю, на которой можно приступить к земледелию, она сняла изображения своих глазами, — так она привыкла к тому, чтобы земля при ее приближении исчезала.

Но на этот раз Амелия не ошиблась. Вокруг ее увидела город, улицы, заполненные автомобилей, висящие здания, ничтожные людские потоки...

Она запела громкую песню и сказала: «Я вернулась домой, мне возвращаются в их изначение. Так, продолжая петь, она пошла на подлодку. В 16 час. 31 мин. по восточному времени Амелия Эрхарт опустилась на аэродром в Окленде, пролетев расстояние в 2408 миль в 18 час. 16 мин.

Амелия Эрхарт.

Ил. Джони

ИЛЬЯ БАРТ

Песня „трампов“*

Скудные положки
Мы возвели в охапку,
Плюючи и, прощали,
Принодымя шапку.

На двери родиной
Мы замок повесим,
Родину покинем —
Гниль се и паслен.

* «Трампом» — дилическое чешское рабочее выражение в уходе в отпуск с целью забыть тяготы быта. Его первоначальное значение было политическое, выражавшее в то же время недовольство властью, но в настущее время большинство чешской рабочей массы входит в ряды революционной молодежи.

Край пролаз нахальным,
Ненепок в кроватях,
Глупым моральстом,
Бабусик горбатым.

Край, где, лиши усыпка
Властный шелест денег,
«Честимые» пророки
Встанут на колени.

Край, где перед сильным
Лиевые посты
Служат как болонки
На носу с конфетой.

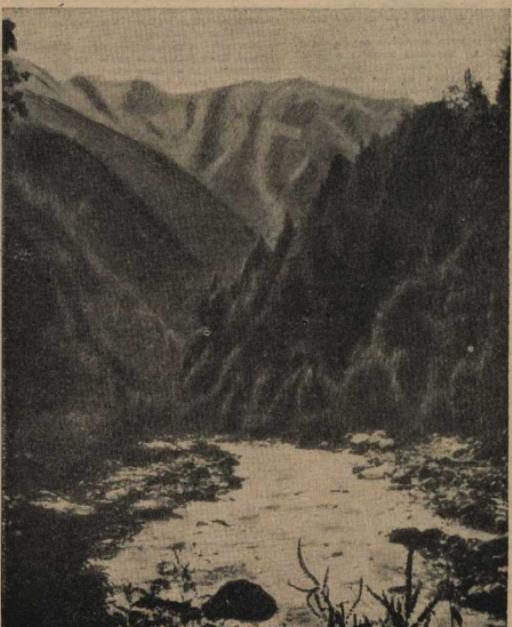
Здравствуйте, просторы,
С дальнины горами!
Ворочем, тише сердце:
Шашек идет за наами.

Принодымя шапку,
Плюючи на прощалье:
До свиданья, край мой
Хмурый, до свиданья!

Перевод с чешского

Дмитрий КЕДРИН

ЗА ЗНАЧ

Александ

Турист

По Стре
Загор
Следят
за ви

Солде
Дует
Мир
Мы
Объ
Что

Нас
Привет
Разноцве
Открыти
Солде
Дует
Мир
Мы в
Объ
Что с

В то
Где тран
Молоды
Оставши

Солде
Дует
Мир
Мы в
Объ
Что с

Мы шага
Веселы
Целую
Мы в
Объ
Что с

Девятертым тысячам туристов на велосипедах, автомобилей, байках и лыжни начали пересекать во всех направлениях огромные пространства Советского Союза.

Встречался на улицах, вместо обычного приветствия часто спрашивали: «Ну, куда едете этим летом?» или сокращенно: «Ну, куда?» Продавцы, вы услышите не «шоколад» или «всё», а «счастливого Алтая» или «всеслого Кавказа».

В магазинах туристического снаряжения огромный спрос на топорики, фонари, котелки, ножи, карты, ботинки, складной спирт.

Многие туристы на холмах тренировались с лыжами, инструментами «рудниками производствами»: лесорубами, «кошками», «веретеном»; они будут карабкаться по крутым отрогам пригорода, готовясь спуститься на лед и на плотный фрязовый снег альпийской горной.

И вот уже у подножий снежных гор, в чудесных хвойных лесах, била бурных потоков, которые испортят свою форму, разбрасывая ее о дромовые камни, среди высоких трав и цветов, закрывавшие человека с головой, расплываются горные лагеря разбросанные вдоль горных склонов. И уже совсем сменил городскую панораму, а также, южное солнце, проникает обильных людей в бронзовые туники. Утром заардака, заутра, трещиноватая зима лазка на близлежащий ледник, для менее износостойких прогулки на «скамы с прессыми видами». Затем обед, отдых, купание в потоке (окунувшись и выскочивши: ведь ледник питаетший ручей, рядом).

К вечеру, после отдыха, прогулка, полейбоу, автобус по склонам и после внезапного наступления

ЧОК АЛЬПИНИСТА

тимости «шечек» в краях, где тепло и сухо, или от дешевой архитектуры непослушные языки салги собой смеются. А в это время на засыпанное звездами лебя (из многое, этих звезд, гораздо больше, чем на московском небе) уже вспыхнула луня и резко выступили силуэты дальних горных «Чудесных жизни!»

Это и есть чок альпиниста — подготовка к альпинистским лагерям, альпинисты — восходящие в звезды-лебя вершину, чтобы завоевать право на получение знака «Альпинист СССР». Тренировка с инструктором, занятия на склонах, альп и снегу незаметно научат ориентировке в горах условиях, дадут телу гибкость и выносливость, привыкнут легкие дышать более разреженным, притом воздухом, сделают нетрудным восхождение на Эльбрус.

Нельзя участвовать в лагерях, жаре проползая отпуск в горах, настолько освоятся с альпинизмом, что смогут уже выполнять какое-либо сложное восхождение. В последние дни альпинистов вызывают наиболее способные к альпинизму юноши и девушек. От их инициатив будет зависеть будущее наше в горах и успех заключительного подъема через перевалы.

В этом году Москва last около 1300 человек молодежи, которые проведут свой отпуск в горах и совершают восхождение на Эльбрус. К этому часу над прибывающими участниками лагерей других городов, альпинистов РККА, 500 колхозников Кафаринской Башкирии, Соловецких воинов-альпинистов, прибывающих на Эльбрус, давление не будет ли только на подъёмах к вершинам и в высокогорных пристойках? Ведь наиболее благоприятными ме-

сяцами для восхождения на Эльбрус, да и для горных путешествий вообще, являются только июль—август; именно в эти месяцы надо удачно тренировку в лагорях и восхождение. При подсчете вспоминалось, что долина под Эльбрусом (Баксов и «Протон олимпиады», откуда начинается «последний штурм», не смогут выдержать напора т-

кой массы претендентов на знак «Альпинист СССР»... Просто места не хватит.

Пришлося искать других путей, чтобы комфортабельно разместить будущих альпинистов. Центральный совет Общества пролетарского туризма начал работать над вопросом перевала, организацию на которых так же дает право на знак «Альпинист» на Эльбрус. На всем протяжении Кавказского хребта, во всех его красавицах долинах и близ Мисис-Коши и на Цесе, и на берегах Дикстуры можно разбивать лагеря, обучаться горной технике и затем совершать восхождения на вершины, не опасаясь за безопасность альпиниста.

Но как организовать перевал?

Нужны, прежде всего, лебя и природе и жившие на них альпинисты в массу советских альпинистов, представителей лучшей части спортивной молодежи, новаторов исследований горных районов, добровольцев-геологов и картографов.

Нужно желание видеть своей завоев, свою путь в чистых первозданных странах новые дисциплинарizations, смелые кадры защитников Страны советов!

И «автозавод летнего лагеря» образуется на ледяное ядро, вокруг которого быстро группируется молодежь. Группы в 5—6 человек и даже одинички, может, так же хорошо провести свой отпуск в горах, как и целые группы из 30—50 товарищей. Для небольших групп Центральный совет Общества пролетарского туризма организует с помощью альпинистов несколько централизованных лагерей в живописнейших долинах Кавказа. Здесь молодые альпинисты получат полное обследование, инструктаж и альпинистическую тренировку, здесь же будут организованы группы для восхождения на интересные вершины.

В горах небрежность грозит гибелью. Подразделяя структуру дисциплин, безоговорочно выполняйте указания инструктора, соблюдайте все правила охранения и самоконтроля в течение всего времени восхождения — вот обязательные условия успеха туриста.

На фото: слева:

Ложнотиберский перевал на Кавказе.

Так переходят через ледопад.

Треции и провалы могут преградить путь туристу.

Горная река несет с ледников бурные воды.

Справа:

Палатка туриста в предгорьях Алтая.

В долине реки Карабьядж (Сванетия).

В долине реки Эссо (Сванетия) растут гигантские цветы.

Ночь в палатках.

Новленков

СКАЯ ПЕСНЯ

и советов лето
идет,
всюду одето,
но и в поход.

и светит,
ветер,
ходит ходуном,
день и узаем
свет,
но и выходит горы,
тепло,
все просторы
и на землю.
и светит,
ветер,
ходит ходуном,
день и узаем
свет,
но и свет на снеге.

ш, где нет дороги,
пот да нет,
наши ноги
четкий след.

и светит,
ветер,
ходит ходуном,
день и узаем
свет,
но и свет на снеге.

и без отлаки,
дым, стойки,
но снег и пластика,
единица страны,
и светит,
ветер,
ходит ходуном,
день и узаем
свет,

МОЗГ И СЕРДЦЕ

Рассказ заслуженному деятелю науки проф. Н. Г. БУРДЕНКО

Фото П. Бема

Операция сердца... Для обычательского ума это звучит как сенсация, а на самом деле операции в этой области делаются уже больше пятидесяти лет. Правда, в последней четверти XIX в. это было не так уютно, но уже с началом нашего столетия оперирование сердца получило право гражданства.

Оперируют сердце после очистальных и половых ран. По этому особенности широкое распространение сердечные операции могут получить в будущем войне. Видимо, что операции на мозгах до успехов в области моторизации Красной армии, я вспоминаю об операциях сердца. Быстро переброска раненых с линии огня в лазарет облегчает работу хирурга. Ведь время между ранением и совершением операции исчисляется часами (операции проводят до 12 часов). Этим обстоятельством и объясняется сравнительно небольшое количество операций, сделанных до сих пор. В мировой литературе зарегистрировано всего лишь 600 случаев, причем на каждого врача, предполагавшего подобную операцию, приходится одна — два случая. Мне посчастливилось сделать три операции сердца.

Операции сердца не требуют ни удаления части тела, ни ее замены. Состав тканей, из которых вскрывается грудная клетка и наладываются швы на раны. При операции требуется только сложная аппаратура, создающая искусственное дыхание и раздувающая легкие, которые при ранении сердца и плевры могут иногда сдавливаться. «Техники это вполне выполнимо, и, однако, на первый взгляд поражает высокий

Проф. Н. Н. Бурденко.

взгляд на кровянистые струи. Врач удалил их, вымазавшие склонности к кровотечению.

Операции мозговых опухолей — дело чрезвычайно тонкое, требующее специальной аппаратуры. Операции производят под местной анестезией (безболезнене). К боли чувствительным только кожа, мышцы и иннервация мозга. Мозг не поддается разрыванию, а самий мозг оперирует без бесполезного. Кость пропорционально — специальным прибором — электротрепонтом, — и после этого переходят к оперированию твердой мозговой оболочки и мозга. Тут необходимо самого мозга обработать специальными. Мозг обмывает физиологическим раствором, мозговые ткани раздвигаются специальными эластическими лапатотаками, и, наконец, самая операция — разрез мягких тканей и удаление опухолей — производится электроником. Применение электроника — это революция в области хирургии.

Электроник делает операцию почти бескровной. Электроник дает искру, которая прижигает кровь, и это облегчает положение больного, облегчая теряющую при операции много крови. Этот усовершенствованный инструмент облегчает также работу хирурга. Раньше советские хирурги работали загремевшими электроинструментами. Но инновационные Центрального нейро-хирургического института у нас организовано массовое производство электроинструментов.

Огромное количество операций могла дать блестящие результаты.

Недавно в Центральный нейро-хирургический институт, которым я руководил, привезли из Курской областной колхозницу К. У нее с упорхавшей быстрой разваливавшейся слепоты. Рентгенологическое исследование оказалось в мозгу множеством язвенных полостей, что могло предполагать трудной для доступа.

Тем не менее операция была произведена абсолютно точно. Через четыре дня у больной заметно улучшилось зрение.

У однинадцатилетней девочки Е., в течение года был полный паралич ног. Через полтора месяца после удаления опухоли, сдавливавшей спинной мозг, она вздохнула и стала свободно ходить.

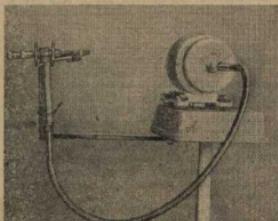
Студенту Р., у которого было односторонний паралич и начавшаяся глухота, сделали в Сибирь, чтобы помочь параличу, операцию. Сразу же после операции, когда мозговые ткани не сумели, и болезнь продолжала развиваться. В Центральном нейро-хирургическом институте студенту сделали радикальную операцию: удаление опухоли сейчас больной выздоравливает.

Из этих примеров видно, что сложнейшие нервные заболевания, не поддававшиеся ранее излечению, благодаря хирургическому вмешательству излечиваются почти бесследно.

В Центральном нейро-хирургическом институте было произведено до 40 операций. За двадцать лет существования Института в нем произведено около 2 тыс. операций на различных участках первичной системы.

В результате огромной работы, проделанной советскими хирургами, смертность при операциях мозга удалось снизить до 11%, а по некоторым разделам — до 6%. Раньше смертность после операции мозга доходила до 70%.

В этой области советская хирургия сравнялась с французской и американской и обогнала германскую, а в дореволюционное время русская хирургия вела в мире вперед.

Трепанация черепа производится аппаратом де-Мартеля.

процент смертности после сердечных операций. В среднем смертность достигает 44%. Это происходит из-за слабости операционной техники, а зависит от степени поражения. И всегда наставляют, что разрыв мозгового мозга — это заборье — сердце, что если всмотреть в мозг и восстановление соединительных тканей не выдерживает нагрузки и отказывается сраститься. В то же время именно при операции сердца кажется совершенно поразительной необыкновенная жизнеспособность человеческого организма.

Результат операции во многом зависит от правильной проводки послеперационного периода, так как сердечные раны почти неподъемно вызывают обострение на сердце, и никогда не лягут.

Перевливание крови является методом, без которого не может обойтись современная хирургия. При ранениях сердца человек теряет массу крови. Чтобы восместить эти потери, приходится производить перевливание крови не только во время самой операции, но и в послеперационный период.

Хирурги за работой.

шестнадцатый инструмент облегчает также работу хирурга. Раньше советские хирурги работали загремевшими электроинструментами. Но инновационные Центрального нейро-хирургического института у нас организовано массовое производство электроинструментов.

Записала М. Дальцева

РУКОПИСЬ ПРАВИЛ ГОРЬКИЙ...

Рассказ молодого писателя Тищенко «Тезка», который читал А. М. Горький, выражеет страшную судьбу.

В рассказе изложена смена разговоров по душе для печатания: старый ходорон Кузьма Петрович и молодой смычник Митяка.

Разговор о том, что теме старина, о Кузьме Фомиче, который, повидимому, опалился на работе.

Митяка сложен к тому, чтобы заявить об этом администрации, но Кузьма Петрович постарался утихомирить:

«Ша! Текущ мозг не троши!.. Текущ же прорубает, голову хаду в цыганах!—празд.

Сюжет приносит принципиальный характер. Кузьма Петрович, зная, что его газета, напечатанная вспыхнула на бумагном скрепе, в屐ком этапе, особенно не замечает. Кузьма Петрович страдает от того, что его газета принесла дружину из человека выдающегося. Когда прибывает ответственный помощник пуска машинки Петрович с Митякой спускается вниз за Кузьмой Фомичем.

Но Кузьма Фомич совершенно ошиблен—он не может пронести с места. Старина Петрович, для которого производство выше всего не может быть, отдает свою последнюю тезку.

В старине проходит салют: он становится на митингующую толпу зорни и крутим, жестко голосом говорит тоже:

— Встанай, друг амбезий, помародимою до комедиент... Ой, маляреко, спрячь под занав.

Таковы картины рассказа Тищенко, о котором Горький высказалась дважды.

«Говорят, «Ольвия» маслант... яко излагаетъ всея дело довою, другоею словоизложениемъ. Но, видно, Тищенко маслант яко, а изложитъ не сумелъ.»

Следует несколько пояснить на рукоиски Тищенко. Горький особое внимание обратил на то, что у Тищенко герон названо не как следует не показано.

«Следовала бы изображить фигуру герона, — писал Горький, — то разгорячается „заречная“ борода, в чём она приросла — не видно. И того, с кем разговаривает, тоже не видно. Рассказ нешел, но он был бы лучше при большей изобразительности. Преблажание диалога не украшает его.

Но Горький не ограничивается одним этим общим замечанием. Он пишет о рукоиских молодого писателя ряд конкретных поправок.

Тищенко пишет:

1. «В мутохе кипитъ вода щепой, вспышки чашни. Всёши раз, прежде чём поспорить цеплю в ставах, он доло прицинался, осторожно подводя цеплю к чашке и, улучив удобный момент, тыкала в нее стремительно».

Горький поправляет:

1. «Он доло нацинались, осторожно подводя цеплю к чашке и, улучив удобный момент, старался стремительно подстеть ее».

Здесь же везде и всегда Горький берется за точность, доказательность, простоту.

У Тищенко было:

«Кожки от натуи, яловом они пытаются поставить Кузьму Фомича на ноги по размеше тело темен потера устойчивость. Из ноги-са через губы на шинистинъ подбородок текут слезы».

Горький переделал так:

«Через губы на шинистинъ подбородок текут слезы».

Кузьму Фомича только что спишали. Бывае неестественно, потому что тут у него имено слезы.

У Тищенко написано:

«Петрович скрюченными пальцами, словно малярек, виняется в тезинии пальчи, судорожно трясетъ его безучастное, как

Горький исправил:

«Петрович скрюченными пальцами, словно малярек, виняется в тезинии пальчи, судорожно трясетъ его тело, мягкое,

как тесто». Тогда же Горький переделал фразу:

— Рязоромо его, пьян мертвогдан» (Гиппиус).

— Рязоромо его пьян мертвогдан брезгливо говорят Митяка.

Это «брехливое» передает впечатление Петровича и Митяки сильнее некоего густо натуралистического подобия.

После замечаний Горького Тищенко улучшил рассказ:

Прочитав поэзию «Ольвия» другого молодого автора — Ольвии, Горький подвергает ее правке.

Автор начинает поэстю так:

«Росамы инцизионер грудно ступал всход за мацелеву, непарчеву Юльяка». Надо же вспомнить, что Юльяк — это агрессивный боец, поборющий от грызни, на ногах маленьких стопотиные туфли; под галстуком мелкие морщинки и чешуя волос на высоком вилюмку лобу».

Горький пробует прочесть этот отрывок.

Вместо «грудно ступал» появляется «тишино шагал», вместо «Юльяк» — «девчонка», морщины получают определение «похмельные», а волосы — «вихри». Но, еще раз прочтя всю страницу, Горький удивляется, что отрывок не ступает, Горький увердается, что отрывок не спит и станет спать:

— Аппендицит!

У автора:

— У малярек домиков, у высоких сосен».

Чтобы не было дважды повторено «у», Горький исправляет:

— «Около малярек домиков, у высоких сосен».

У автора:

— Увидевши ее строго, что спинодитально».

Горький переделывает:

— «Строго, то спинодитально».

Следя за темой повествования, Горький исправил исполнительство перебора горя, прописав:

— «Линейки».

У автора:

— «У малярек жарких и данных дней».

Месяц (30 дней) — определение точное и следовательно для неопределенный, неточной фразы неуместное. Горький исправляет:

— «Была пора жарких и данных дней».

Несколько прописано, измученно правят Горький рукопись, показывая хотя бы следующие, взятые наугад примеры:

Молодой автор пишет:

1. «—Правильнико, арху, — не вольно созналъ Юльяка».

2. «Мое дело валикъ твоего. У нас в дрорешии валикъ».

3. «Широкое лицо Кавади изказилось, он супа с соусомъ».

4. «Однако она сидела».

5. «—Ну, погь, — подала руку культурикъ».

Пока, застыла».

6. «Она не подала руки, сунула ее в гармошки рваного пиджака».

7. «Юльяка самашка перебор титары».

8. «Онъ дядишикъ неф доломъ принесъ многоч».

9. «Старый дедъ».

10. «Некоторые герои, выведенные для проявления несколых словъ, какъ бы позабылись на сценѣ».

11. «Закурала, густо затягивась».

Горький исправляет:

1. «—Правильнико, арху, — скотно созналъ Юльяка».

2. «Мое дело валикъ твоего. У нас в дрорешии валикъ».

3. «Широкое лицо Кавади изказилось, он супа с соусомъ».

4. «Она сидела одиноко».

5. «—Ну, погь, — подала руку культурикъ, — до ушильнь, залетъ».

6. «Не подав руки, она демонстрировала супа с соусомъ».

7. «В сунула ее в гармошки рваного пиджака».

8. «—С этот вечеръ должна принести многоч».

9. «Старикъ».

10. «Некоторые герои, выведенные для проявления несколых словъ, какъ бы позабылись на сценѣ».

11. «Закурала глубоко затягивась».

«Горький у рабкоров» — с картины худ. И. Бродского.

исходящие от немотивированной перестановки слов.

Автор пишет:

«Расталъ трусы в лес ушелъ».

Горький исправляет:

«Расталъ трусы, ушел в лесъ».

Имя у автора:

«Некордо стало Юльякомъ».

Горький упрощает:

«Юльякомъ стало некордо».

В обоих случаях устраивается искусственный сказочный тип повествования.

Горький обращает внимание на сдвиг употребления тонкости.

У автора пишет:

«Водулика дровить, садясь звонкими».

Горький делает фразу менее тяжелой:

«Водухъ началь дровить, становясь звонкими».

У автора:

«Юльякомъ жарких и данныхъ дней».

Месяц (30 дней) — определение точное и следовательно для неопределенной, неточной фразы неуместное. Горький исправляет:

«Была пора жарких и данныхъ дней».

Несколько прописано, измученно правят Горький рукопись, показывая хотя бы следующие, взятые наугад примеры:

Но лицензией даворована автор «Ольвии» засек теперя за повесть всевред и наядого. Есам он реализуя указания Горького, будет упорно работат (а одновременно учиться), вероятно, он добьется своего: повесть увидит свет.

ЛЕНТЫ ДВАДЦАТИ

Кадр из фильма «Человек-невидимка» по роману Г. Уэллса
(реж. Джекс Уэллс, производство „Юниверсал“, США).

Десять дней длился первый советский кинофестиваль, десять дней шло международное соревнование кинематографического искусства кино. Самые 30 картин со всего мира, представленные на производстве, оспаривали первенство, будоража ведущее место. Результаты не были выложены: первое место, которое заняло советское кино, только подтвердило общепризнанное его мировое значение, и хрустальный кубок, полученный в Москве, стал рядом с кубом, которым были награждены советские фильмы на прошлогодней международной киновыставке в Венгрии.

А ведь соревнование было зеленым. Со стороны буржуазного кино наступали крушащие творческие силы. Такие режиссеры, как Кинг Валор, Альф. Конней, Сесил д-Миллз, Рене Клер, Жак Тати, а также актеры, как Грета Гарбо, Франческа Гарсиа Ульяна Бирн, Чарльз Алансон: сущинности этого монстра — Бен-Хект, — все эти художники и мастера с мировыми именами были представлены на фестивале сплошь зрадами и подиоцентризмом производителями. Именно в этом и было значение фестиваля: американские, английские, французские, итальянские, польские, чешеские, венгерские,

шведские, китайские фильмы различных жанров были отобраны как лучшие образцы мирового киноискусства. Тем значительнее победа, одержанная советским кино.

Ряд лучших иностранных и советских картин имел некоторое соответствие в тематике и допускал проведение известных аналогий. Например, картину профессора Чарльза Марсона можно было сопоставить блестящему американскому фильмом «Да здравствует Вильям!», — рисующему борьбу мексиканских партизан. Нашу «Юность Максима» можно было сравнивать с польским «Молодым лесом», в котором показано революционное движение польской молодежи в 1905 г. «Крестилье» могла служить известной аналогией к американскому фильму «Хлеб наш насущный», представляющему перечисление вина, замес картошки, несбывшиеся ставленники и противоположны их содержанию. Не только потому, что противоположно их содержанию, но и потому, что методы раскрытия этого содержания различны. Наших художников отличает глубокое раскрытие конкретной исторической правды.

Кадр из фильма «Клеопатра» (реж. Сесил д-Миллз, производство „Парамоунт“).

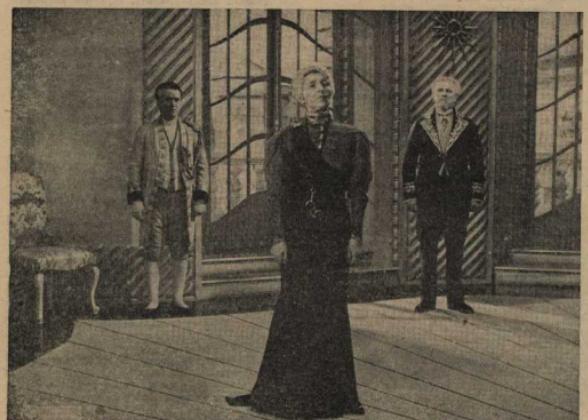
Ложь, искажение и искривление истины лежат в основе работы буржуазных мастеров.

В «Да здравствует Вильям!» обличение устояла трех мотивов: писателя Бен-Хекта, режиссера Джекса Конней, актера Ульяна Бирн — неправды не то, чтобы исторических искажений, а политических, скрывающих содержание партизанской борьбы мексиканских племен (бедность), подавляемых Панко Виала.

В «Молодом лесе» режиссер И. Лейтес тщательно грижирует историю революционной борьбы 1905 г. под маркизатом польских легистов. Картина стремится быть правдой в деталях, несмотря на то что вся она в целом касается на революционное движение польской молодежи.

«Хлеб наш насущный» Кинг Валор изображает нечто вроде «холода» капитализированного борбратизма в Америке, и подавляемую горючестями усталой этой кухни отчаявшейся жертву кризиса. Но при этом он «забывает» сказать, какая судьба ожидала «холода» в условиях капиталистической страны.

А ведь все это интереснейшие из картин, показанных на фестивале.

Королева Казинари обращается с речью к народу (фильм «Последний миллиардер», реж. Рене Клер, производство „Пате-Натан“, Франция).

ЦАТИ СТРАН

К сожалению, мы часто привыкли слышать из-за рубежа об антизападности наших фильмов, о правой тенденции и прогрессии в советском искусстве. Но что же, как не прямую пропаганду, несущую отмеченные выше картины? Разве не маскурует «Да здравствует Вилла!» американское кино? Или это не монументальный? Разве не несется с экрана провозглашавшийся в «Молодом лесе»? И разве не апеллирует «Хлеб или насилие» за «капиталистическое планирование», за безбездельный скопогретийский выход из кризиса? Но белая буржуазная искусства в том, что его пропаганда не убеждает, ибо она извращает действительность. В лучшем случае она только сеет мадозин.

И когда буржуазный художник выступает с разоблачением этих мадозин, его искусство приобретает значительность и силу, вытесняющие за пределы головы, формального мастерства. В этом сила фильма Рена Клеря (автора картины «Под криками Парижа»). «Последнего

Восстание мексиканских пеонов в фильме «Вивя Вилла»
(производство «Метро-Голдвин-Майер», США).

миллиардеров». Путь художника еще не до конца последователен, тщусь он не взят еще реального выхода из экономического и политического кризиса из Европы, его блестящий памфлет против диктатуры капиталистических магнатов смело и зло развенчивает одну из тех мадозин, которые служат еще ходячим идеологическим оружием Запада. И этот фильм по праву получила звание «лучшего фильма».

Ряд иностранных авторов: «Король Христиана» с Гретой Гарбо, «Частная жизнь Генриха VIII» с Чарльзом Лутоном, «Петр» с Францесской Галь — продемонстрировала во всем блеске искусство актера. Эти фильмы сделаны для «звезд». И, гляди на них, думалось, что они сделают родительские и последовательные бородавки на лицах советских киноактеров, за которых, видимо, взыскание взысканием в кино и любомном наименовании зрителям. Таких актеров у нас немногих, таких актеров нужно воспитывать и создавать.

Необходимо особо отметить искусство мультипликации. В советской кинематографии удаленный вес мульти чрезвычайно неизменчен.

Наконец, последние замечания нужно сделать относительно цветного кино. В этой области, поскольку я не являюсь кинематографистом, я беру один только фильм — «Против язвы». Н. Энн. Между тем кино с получением цвета обогатится новым монументальным элементом. Мы видели в работе американского режиссера Ллойда Корригана («Ли Кукарача»), какие блестящих результатов может добиться художник в использовании цвета.

Наконец, первый советский кинофестиваль собрал на себе разнообразных, международных оппонентов. Этот опыт поможет дальнейшему побоюному продвижению интересов советского кинокультуры.

Друзья приветствуют войска повстанцев Панcho Вилла
(арг. Уоллес Бирн, реж. Джек Конвей).

Кадр из фильма «Джентльмены рождаются» (реж. Альфред Грин, производство «Нэйшнэл Пикчурс»).

Священный город мусульман—Мекка.

ЮР. ЖУКОВ

НЕОБЫЧНАЯ КОМАНДИРОВКА

Ленинград. За окном, над черной гладью канала, бушует метель. В небольшой комнатке инженера телефонного завода «Красная звезда» В. П. Шитова тепло и уютно. Молодой холмик с увлечением рассказывает об опытах с деревенской автоматической телефонной станцией, о новых экспериментальных работах лаборатории...

Миномохом кто-то из них открыл компьютерную машину: он на диске вспомнил рабочий смуглый цвет лица до края. «Да это ты же там подождала», сказала она.

— Нет, это немного восточнее... на Аравийском полуострове... Я ведь недавно из командировки.

Мы затормозили инженера, требуя, чтобы она продолжала рассказывать об этой, не совсем обычной командировке. Он долго отвечался, но потом согласился:

— Что ж, придется повторить еще раз вчерашние воспоминания. Только, чур, не перебивай: разговор долгий...

1. Дорога в Тайф

Жареный салатик, кипяток, пирожки, пирожок бороды аквариум в порту Маско. Программа лебедки, на гордый лобо легли щепки с маковой «СССР»—путь, который я нов в сейб с собой из Ленинграда. Здесь предстояла пересадка из парохода местной линии, который обслуживает побережье Красного моря.

Вместе со мной ехали полпред СССР в Геккадзе тов. Гюрукулов и его жена.

Пыльный, унылый городишко итальянской колонии—Маско—нас несколько не интересовал.

Мы пили апомонду со льдом, принимали горячий душ, чтобы хоть сколько-нибудь освежить влажные тропической жары, и сидели для часа, оставшиеся до прибытия парохода.

Наконец, пригрыз, драхмовый пароход местной линии принял нас на борт и поднялся по Карадагу, на котором возвышалась пароходная телеграфная линия портегоры солицами воды.

В каких было душно и сырь. На пакую папи сумасшедший зной. Как образовалась мы, когда на востоке второго для нашего плавания на горизонте показались высокие дистрибьюторы.

Издан город производила грандиозное впечатление. На изобилен текстильных высокие здания, напоминающие своей архитектурой зебоскрабы. Но когда мы подъехали ближе, нам пришлось несколько разочароваться: мы приняли издан дома за небоскрабы лишь потому, что они были чрезвычайно узкие и поэтому казались выше, чем были на самом деле. Всего-то это были здания из тонкого, убого-мраморного спортивного. Странная архитектура этих зданий объясняется желанием обеспечить возможно лучшую вентиляцию.

Встретили нас в Джедде с большим вниманием. Для гаев наезд советского правительства в знак дружественных отношений с арабским королевством подарили правительству Геджаса телефонную АТС на 22 номера. Эта станица состояла из зданий, покрашенных в яркие цвета, как со смешиваться. И вот Наркомтранс, в просьбе правительства Геджаса, командировала меня в Джедду смонтировать эту станицу и обучить местных работников, как работать на ней. С собой я взял необходимые запасные части, провода и аппараты и случай, если за эти годы здесь что-либо испортилось.

Путешествие наше, как выяснилось, еще не закончилось. Нам предстояло еще совершить автомобильный пробег в метеорологический город Тайф, где жив король Геджас. Этот путь предполагала бы никаких затруднений, если бы не одно неожиданное препятствие—наше белобокие.

Дело в том, что дорога в Тайф—единственная культурная дорога в Геджасе—пролегает между двумя горами: Мескетом и Аль-Хаджаром. Мескетом великолепен, Аль-Хаджар же, наоборот, склонен к беспорядку. Поэтому нам предстояло с величайшими предосторожностями обходить Мескетом по верблюжьим тропам.

Перспектива не из приятных, если вспомним, что весь этот район представляет собой склонную местность с глубокими ущельями и крутыми горами. Однако другого исхода не было—мы помчались вперед по въезжесущим тропам.

После долгих бурлужаний по диким тропам—дорогой нам казалась, что им не будет конца—мы поспешили бодуун-проводника, любезно

вымыслившего нам на встречу из Тайфа. Всадник поронялся с нами, проводивших гостей и указав путь в посёлке. Меня осталась позади. Вскоре мы услыхали где-то впереди шум автомобилей моторов. Еще через мгновение из-за поворота показались машины с казенными знаками лодыми.

Оказывается, нас привезли в Тайф—от упратанную высокую гору королевскую резиденцию. Кстати сказать, везд европеи также строятся восточные руины античных и античных эллинистических батарей, оставшихся в Аравии со времен альдимета тирренского супана.

Обмен любезностями и поклонами, и нас впускают в Тайф—от упратанную высокую гору королевскую резиденцию. Кстати сказать, везд европеи также строятся восточные руины античных и античных эллинистических батарей, оставшихся в Аравии со времен альдимета тирренского супана.

Живописный Тайф, раскинувшийся высоко в горах, утопает в зелени садов. Его украшают особняки королевской знати, министров, богачей, купцов. Но здесь же рядом черепчат развалины десятков зданий, разрушенных еще во время мировой войны и до сих пор не восстановленных. В них ютиются городская беднота: волнисты, купчиши, разносчики с рынка продукты, рабочие...

Здесь, вдали от цивилизованного мира, нам предстоит провести четыре долгих месяца...

2. В гостях у Абдул-Азиз-и-Багдади

10 июня мы совершили торжественную procedure сдача оборудования правительственный комиссии. Преподнесенные сознанием важности этого исторического момента, директор почт и телеграфов и его помощник благоговейно рассматривали каждую деталь, которую я заменил из почеркных инженеров отправленных на шахту звонком для года тому назад.

Пока мы занимались этим, в здании бывшего училища училища первая в Аравии АТС, я сообщил и отстроившаяся станица в оной из комитет предстоящего нам дома, чтобы сразу же начать обустройство будущих телефонистов. Как только об этом узнали в Тайфе, то мне начались настоящие плаоминистиче. Почтенные министры, купцы, дворники знали все восхищению остроумия здания и остановились на нем, чтобы посмотреть на будущую работу. Каждый из них было легко видеть своих детей в роли королевских телефонистов.

Понятно, здесь же обозначил без протестов. Одним из первых ко мне пришел сын директора почт и телеграфов Влади, за которым встал помощника директора—Мухаммед Фарах, который раньше был менеджером в базаре. Был еще один, совсем уже необычный ученик—потомок Мухаммеда Фадда.

Новоподанные потомки Мухаммеда подавались особыми привилегиями. Торжественный салют выложил каждому из них за благородное происхождение особую субсидию. В королевстве Геджас эта привилегия была отменена—и Ахмет Фадда осталась на нем.

Ему пришлось срочно привозить квадро-и-бронзовую машину, чтобы доставить почту в Аль-Хаджар. Меня же назначили на должность телеграфиста, в котором Мишель начал овладевать техникой старинного аппарата Морзе. На курсах королевских телефонистов он показал с большой радостью.

Моим ученикам приходилось часто прерывать занятия, чтобы совершать различные церемонии: как истину мусульманам им позволялось раз пять в день воззвать молитвы за любовь, и поэтому мы не занимались никакими занятиями.

Занимались мной ученые очень остроумно, проявляя большую склонность. Когда копались в кадуле мелочь...

Через несколько дней полпред сообщил мне, что нас привозят по дворцу.

В назначененный день мы оделись в лучшие костюмы и надели большие платы, украшенные на голове специальными игурами: аттекет требует, чтобы гости являлись королевскому двору в национальных арабских головных уборах.

Новоподанный «форд» образца 1934 года быстро привез нас в резиденцию короля—базарный камизий дом, расположенный в квартале от Тайфа. Когда-то в этом доме жил турецкий

В Мекку стекаются тысячи паломников.

губернатор, прославлены изгнанным испокон-
ними арабскими племенами.

Церемония приема была гостеприимна, до не-
мечай, продумана. Все автомобили с гостями
прибыли по дворцу одновременно. У дверей
выстроился почетный караул. Министры с же-
ремониями поклонами встречали гостей и от-
водили их на заранее подготовленное место.

Как толпа гости рассаживались, вошли король,
сопровождаемый посвященной охраной. Все
встали и начали вдохновиться с Ибн-Саудом.

Затем мы уселись за стол, и нам подали ка-
който зеленый напиток в кропленные чашеч-
ках. Началась отдельный разговор по теме
о том, как лучше жить. Так как свою родину
жаждут вернуть, то неизвестно, когда это
будет.

После этого разговора наступила чайное
молчание, продолжавшееся несколько минут.
Затем король поднялся и направился куда-то
наверх. За ним, все в том же порядке, посте-
довали все остальные. Оказывается, вся пре-
дущая церемония была лишь предлогом к
празднику на свидании в обширном зале, на котором
стоял огромный деревянный стол, на котором
демонстрировались яркие бархатные ткани,
лучи плодов, блестящих каких-то садовых...
алей, гарям фруктов...

Стол был сервирован по-европейски, но мин-
истры, усевшись на свое место, засучили ру-
ки и сразу же стали есть руками. Тогда же
король искусно управляя ножом и вилкой.

Король начал облегченно вздохать.

После этого я со своим спутником побывал
в зале умывальнико, совершил очистку рук
и в том же порядке спустились вниз, в приемную.
Нам подали эрохотные чаши с
зеленым напитком. Затем слуги принесли вазы
с благовониями маслами и горы с курильными
адаманом. Каждый напит рюхи маслом и осу-
шил их в душных испарениях адмана.

За напитками благоуханием. Все подни-
лись с мест и, попрощавшись с хозяином, от-
благодарили его за прием.

3. Контрасти Геджаса

Король усадил на скамью. И тогда во
 дворце закипела работа. Двенадцать дней в
месте со своими учениками монтировали стан-
цию, тянула провода, устанавливали аппараты.
Наконец, все было готово.

Успокоимся и радостный (монтаж был про-
веден хорошо) и радостный дворец, реали-
стичного членения, стал на землю.

Странно звучало, неподобно свидетелям
которого я оказался, имело такую историю:
один следователь попросил у другого воду из его
аренка: от спящей жары искасаны двери и
деревья. Тот отказал. Тогда, забезененный,
просыпал убийства времена. Убийца скла-
тили. Суд присудил: «Сын убитого да лиши-
тись буйбы». И приговор был приведен в
исполнение.

С каждым днем я все больше убеждался в
том, как приглушило переплетение в этой ин-
тересной стране самого разработчика парростро-
та с новейшими достижениями цивилизации. Ко-
взапас мель и... автоматическая телефонная
станция. «Флагман мусульман», пять раз в день

Убогое жилище бедуина.

славящих аллаха, и... приобретение самолетов,
которыми Ибн-Сауд усиливает свою армию.
Народ, который многие века угнетал авто-
матами—начиная от турок и кончая англича-
нами,—стремится к независимости, культуре, ци-
вилизации. Но как чудовищно! Столь же
стремление перекинуться прошлому! И так яко про-
ступают здесь растущие классовые противоречия...

Вот подзорье богатого аристократа Роксол-
ланой медитативная жизнь. Изредка мелакают
тени закрытые чадрой жен. Увлекающий себя
богач делает, по закону, иметь четырех жен.
Хозини трех изданья, играет в шахматы, пить
кофе и дегустировать вино, это норма.

Вот жизнью человека «срочного соловья»—
запущенного, работника госаппарата, выражаясь
по-нашему. Землянико полы. Земляной пото-
лок. Никакого удобства. Вся семья спит на полу.
Невыразимая грязь.

А это говорить о той бедности, которая
ютиется в развалинах. Стены покосившие, на нем
котелки, на которых висят кашпо, которые
и превращены в кашпо.

Учительская трубка телефона и наряды по-
мер королевского кабинета. Король, заранее
пронигустируемый мной, услышав звонок,
также поднял трубку.

Карavan состоятельных паломников
прибыл в Джедду.

Лагерь неджджийских войск
в окрестностях Мекки.

Тов. Тюрюков сообщил королю, что стан-
ция передается в эксплуатацию, и подозвал
его. Ибн-Сауд приветствовал коллегу и по-
просил его передать благодарность советскому
правительству.

4. Марка «Made in USSR»

Моя командировка близилась к концу.
Станция работала безукоризненно.

Моя высококлассенные воспитанники ус-
пешно заканчивали курс автомата. Оставав-
шийся производственный цикл был занят теми, чтобы
делать квантования отбора проб будущих ге-
леритов и расширяться с Тифайном.

Экономия была обставлена весьма торжественно.
Я получила 60 вопросов, касающихся мон-
тажа, скем и т. д. В правительству экза-
менационная комиссия выдала мне: я, иши по-
лучил и директ почт и телеграфов.

Учительская волнуется, особенно на вопросы,
чтобы скончательно проверить получение по-
вреждения в сетях. Лучше всех отвечал Му-
хаммад Фараби и Ахмет Фазал.

Король еще раз поблагодарил советское пра-
вительство за внимание и заботу и вруч-
ил мне подарки: часы и арабский костюм.
Неважного до моего отъезда размылся один
крайний инцидент.

Ко мне в рабочую, работавшую министерства
 почт и телеграфов с генеральным видом со-
общили, что в Мекке уже более двадцати лет
живет мистера, который смог бы эту станцию
смонтировать. Я уже упомянул, что в Мекке—
эту столицу ислама—пушки только правозер-
ных мусульман, поэтому монтеры фирмы «Сим-
мен» и Гальске въезда туда были запрещены.

Министерство почт и беспошлинно искalo
специалиста, который мог бы разработать
телефонную трубку для установки в постройках
священного города. Нашелся лишь один не-
мец, согласившийся ради хорошего гонорара
принять мусульманство, но он заломил за свое
вироствтво нечто такое, что у дирек-
тора почт и телеграфов дух захватило.

Я все еще не понимал, чего же хотят мои
гости от меня. Тогда они замяли еще большие
желания, например предложили мне быть со-
мандом вознаграждение принять мусульманство
и поехать в Мекку монтировать телефонную
станцию.

Едва же раскохтались, я послал вежли-
во отказаться. Гости с явным разочарованием
простились и ушли...

Через несколько дней я был в Джедде и
уже знакомым путем поехал в Мисса, где
очень удачно попал на итальянский пароход,
который доставил меня в Европу.

— Ну вот, пожалуй, и все,—сказал Штот
на минуту задумчивас.—А что касается самой
станицы, то я только звоня спрашивал в за-
водоуполномочии. Тов. Тюрюков пишет, что
работает отлично. Что я, марка известна:
«Made in USSR». Эта фирма никогда не по-
вредила.

Мы рассмеялись и заладили стулья, про-
шлись с хозяином по первым часам, и надо
бы спешить к трамваям.

За оним, над каменным донесом камала, все
так же бушевала метель...

КАК Я НАУЧИЛСЯ УПРАВЛЯТЬ АВТОМОБИЛЕМ

Я работал на автозаводе им. Сталина мастером по ремонту оборудования.

В марта 1934 года я, 65 ударииков, премирован автомобилистом.

Я стал обладателем автомобилей.

Однажды из моих товарищей взялся учить меня управлению. В первый же выходной день во дворе завода мы приключились за дело. Я сел за руль. Машину смотрела на меня вся команда членами. Сколько их! Рычаги и педали, вилки и колеса, изогнутые приборы, которые я, в простоте говоря, окрестили манометрами. Я смотрел на все это и мысленно произнекал: «У меня только две руки и две ноги; разве мыслью управляться при помощи двух пар конечностей с таким множеством рычагов, педалей и т. п.? Нет, это глупое дело»,—решив, что, прежде чем вспомнишь, за какой рычаг лернуть, налетишь на забор, на тротуар, на дом».

Молчав, тем товарищ заснул мотор, сел за руль и сказал:

— Пускать и останавливать машину буду я, а ты только поворачивать. Если надо налево повернуть,—верти руль влево, направо—верти вправо.

С этими словами он прошел винуюто машины с одиним из рычагов, затем нажал ногой на одну из педалей, и машина тронулась.

«Начинайся»,—мрачно подумал я.

Хотя мне ходили только на первой скорости, но я не знал, как это делается. Я видел на немецкой быстроте. Я видел как сама машина рулит колесом. Впереди забор, он быстро проносится, если не сбрасывать то... Начинаю воротить руль—забор уходит вправо, потому он выше сяди, и мы опять на прямой. Однако автомобиль почему-то упорно идет влево. Сложатся: надо повернуть руль обратно.

Так проходило много кругов. Товарищ пересадил машину на вторую скорость.

Снова приближалась забор.

«Ага—думаю,—раз машина идет быстрее—значит и руль надо бы быстрее,—и тут я быстро повернулся руль. Автомобиль как-то странно шарахнулся и заскрипел всеми своим частями.

— Нельзя так быстро поворачивать, особенно на большой скорости,—сказал товарищ—машина может занести, и на улице с большими движением это может окончиться аварийой.

Сделал еще несколько кругов и остановился. Я снял руки с руля. Руки немы, не только руки, и все тепло, как будто и цемент для грунта кипят. А урок продолжался всю ночь один!

— Не скажи так временно руль—не будут уставать руки,—сказал мне на прощание мой учитель.

На следующий день товарищ показалась, как приводить автомобиль в движение: сперва надо заместить мотор, потом поставить рычаг скорости на первую скорость и, наконец, наложить на педаль тормоза конуса. Автомобиль обязательно двинется. Конуса не дадут разбег, можно перевести на вторую скорость. Делается это так: при помощи педали конус включается («вымкнется»), и только после этого рычаг переводится на вторую скорость. Затем конус опять включается. Точно так же машине даётся на третью скорость.

В этот момент я, во двору и то и дело меняла скорость. И, стараясь не перегибаться, не мешала мне управлять рулем. Всё шло благополучно, как будто при первом же движении что-то громко затрещало: оказалось, я побамбы вымыт конус.

— Этот азартный способ переломает зубы на шестернях коробок скоростей,—сказала мне горница, останавливающая машину.

На третий день я учился проезжать в узкие места. Я видел, как проезжают автомобили в ворота завода, когда я сидел в машине, что это такое трудно.

Сажаю в ворота. Автомобиль как будто на почтительном расстоянии от кованного столба. Смотрю на прямой—о, уласа! сейчас заденет! Верну влево—правый борт отходит, а вот-вот заденет левый!

Все-таки ни разу не задел в поисках нескольких упражнений стал легко просматривать. На это дело ушло четверть часа.

Следующий день ознаменовался моим первым самостоятельным выездом в шумный свет. Таганская площадь и обратно. Я ехал, соблюдая все правила уличного движения: останавливаясь у закрытых светофоров, гудя звавшимися пешеходами, огибая заборы, въезжая въездами только с левой стороны и шагах не превышая установленной скорости. Вернулся очень довольным тем, что поездка окончилась благополучно.

На пятый день я привезли более сложное упражнение: в центр, на площадь Свердлова. До Свердловской площади добиралась коротко Поваруха, чтобы ехать обратно, и вдруг на самом неудобном месте, посадки находясь на трамвайных путях, машина остановилась. Трамвам звонят, автомобиль рычит, требуют дорогу, а я и с места. Поклоняюсь милиционеру:

— Но что же это, приятно, остановилась?

— Да, — сказал милиционер, — что-то случилось.

Оказалось, что виной всему нечеткий механизм: в карбюратор попал маленький кусочек и прекратил доставать бензину. Я продул карбюратор и поехал.

Следующее происшествие случилось вскоре на Солнечной. Ехал в гору. Сзади шла какая-то машина. Подъезжая к перекрестку и вижу автомобиль светофор. Внимание, конус. Автомобиль проходит под светофором, машина встает, останавливается и вдруг начинает катиться назад, под гору. А сзади машиной? Как быть в таком случае? Мой товарищ ничего мне об этом не сообщила...

Автомобиль продолжал катиться. Сзади кричат:

— Чай, что ты делаешь? Тормоз!

Автоматически втыкаю за тормоз. Остановилась. Ура!

Красный свет меняется на желтый, желтый—на зеленый—можно ехать. Включено колесо, машина рычит, трясется, дымет, но не трогается с места. Что такое? Неужели онтят карбюратор? И вдруг исполнено о гордом:

— Не отторгнешь, а хочу ехать.

Был еще один полугуманнический случай на Ленинградском проспекте: еду, гляжу на спидометр (указатель скорости), а спидометр стоит на нуле.

«Неужели,—думаю,—меня только кажется, что суд?»

Отъехав в такое место и обнаружив, что слаб один борт. Подтянула его—и спидометр заработал.

Константин Тимофеев у своей машины.

Научившись управлять автомобилем, я звался теории: изучал мотор, осталась части автомобиля, правила уличного движения—и через полторы недели получила право сядь по городу.

В апреле прошлого года я и саня мой приводил задумали провести «экскурсионный» пробег: в Капишу и обратно. Задумано—сделано.

Въезжали из Москвы, Катин по шоссе. Путь пересекал железнодорожная дорога. Идади приблизяется пассажирский поезд. Сторожка собирается закрывать шлагбаум.

— Погоди,—кричу я, подскакиваю,—дай пройти!

— Проехайте, да только поскорее!

Переплюну машину на третью скорость, даю газ и влетаю на перегородку. На перекрестье чуть очевидно неровный: доски, реямь. Машину задираю трамвай, и мотор... заглох. По инерции прошел первый шаг. Увидев товарища, случилось сорванные то ли смех, то ли драматическое лицо, что он залез на машину. Погода вёл.

Всё кончилось, сейчас посыпки начнутся! Товарищ вспомнил, и мы откатили автомобиль назад. И очень вовремя: только машина успела это сделать, как мимо с грохотом прошел поезд.

Привозят, после этого машина была очень не себе, а товарищ несмотря на проходимый день даже испугалась.

С тех пор я и теперь усвою правило: никогда не пересекать приближающийся поезд в опасных местах ехать только на первой скорости.

Прошел год. Теперь я уже опытный шофер. Мне знакомы многие тонкости и премудрости автомобилеводческого дела.

Пятнадцать РАУНДОВ

Матч на первенство Европы по боксу

В капиталистическом мире босс стал ходимым средством наживы для предпринимателей-превозов и особом видом развлечения обывателя.

В этом отношении характер состоявшийся в Париже международный матч бокса на звание чемпиона Европы в полутяжелом весе. На ринге встретились знаменитый французский боксер Марсель Тиаэль и легендарный мира в среднем весе Джек Макс-Авой, чемпион Англии в той же весовой категории.

Бульварная французская печать подняла, вот-круг матча провинциальный вай, заранее предсказав победу своему соотечественнику. Никакого отставала от нее и английская бульварная пресса: скандалу Тиаэлю с Макс-Авой сравнивали с прогрессом в годы империалистической войны математик на перспективе мира между французом Каракалом и американским Денисом.

Бой тогда происходил в Амстердаме; а в это время в Париже, у огромных, специально сделанных скандалов боевых боксеров, томились тысячи людей. Ни скандалов нет, ни кружками обозначены, куда попал удар. Из головы разрывались истерические выкрики:

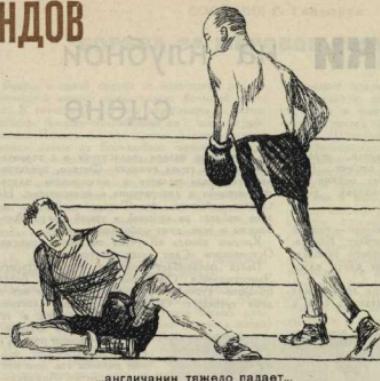
«Бога, Каракала, бой!»

Схватка Марселя Тиаэля с Джеком Макс-Авой вызвала небывалый интерес. К началу матча во Дворце спорта, где проходила встреча, собралось множество народа.

Сядь в своих углах на ринге, противники окликнули друг друга пышными взаимами. Наконец, все приготовления закончились. Судьи заняли свои места. Резко звучит удар гонг-

гра. Первые два раза активность на стороне англичанина: он успел напасть, но Марсель Тиаэль спокойно блокирует его удары. Француз спокойно и не горопощь изучает Макс-Авой, тоно подбирая его ошибки и слабые стороны.

Марсель Тиаэль считается исключительным боксером. Обладая совершенной техникой, он встает бой в резине, даже несколько глубокой манере. Большая сила удара, выносливость, четкая работа ног и отлично: дыхание

...англичанин тяжело падает...

делают его чрезвычайно опасным противником и наиболее вероятным кандидатом на звание чемпиона мира в полутяжелом весе.

К концу третьего раунда Тиаэль дает почтить англичанину свою силу: удачный момент. Тиаэль наносит ему свой первый сокрушительный удар.

Англичанин реагирует, с трудом уходя от опасных «хвостов» Тиаэля. Звучит гонг, и Марсель Тиаэль в свой угол, стремясь полностью использовать минуту отдыха.

Начинается с четвертого раунда француз открыто переходит в наступление. Он старается схватку в блокном бою, где его блестящий мастерства и наибольший успех. Англичанин чувствует в противнике слишком большую опасность для себя, пытается избегнуть бой «хвостами».

Здесь сказалась большая опытность Марселя Тиаэля: он стремительно атакует противни-

ка, который всецело вовлекается в защиту.

В последующих раундах все скандалы чувствуются преимуществом Марселя Тиаэля. Макс-Авой шатается, отступает, опираясь на канаты, оправдывается. Но француз не на минуту не оставляет его в покое.

На десятом раунде Макс-Авой уже лежит на канатах. Он почти не находит ударов и только тщетно пытается защитить свое разбитое лицо от комковых перчаток француза.

Схватка превратилась в отвратительное наблюдение. Но бурундукий ринг не знает жалости. Озвевшийся от звука краин обиватель не позволяет прекратить боя: он честно уплатил деньги за билет и хочет получить удовольствие спектакля.

Видя, как Марсель Тиаэль буквально калечит своего сплющенного, рябчичного повального противника, обезвредят требует:

«Добей его!»

И Тиаэль, сам чертовски устремленный домой, на четырнадцатом раунде он начинает на ногах, убийственным ударом в англичанина тяжело падает на ринг.

Сразу появляется тишина, нарушаемая зернами голосом арбитра, отчитывающегося секундами. Но вскоре удалившись, окровавленный Макс-Авой, поклоняется полю. Тиаэль не стоял более трех туров своего боя.

Звук гонга спасает англичанина от покуто. Последний, 15-й раунд якобы логически завершением этой, длившейся почти час белобрызговой драки. Бой по пунктам выиграл Марсель Тиаэль, завоевав тем самым звание чемпиона Европы в полутяжелом весе.

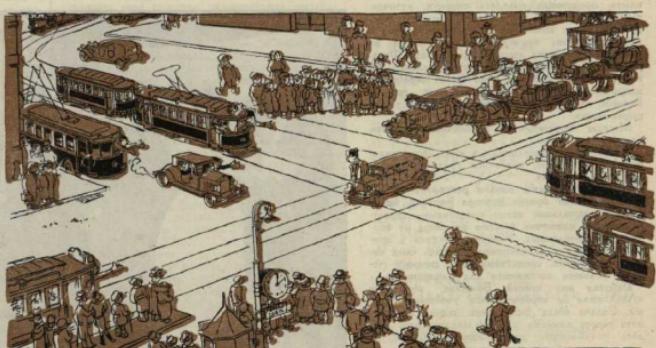
Средством самозащиты и наложения. В Советском Союзе наравне с настольным футболом, бильярдом становятся все более популярными, ибо этот вид спорта развивает находчивость, смелость, ловкость, силу и укрепляет волю.

Б-68

Что, например, надо сделать, чтобы покрышки долго служили? На первый взгляд, сдирать туничко нечеловеческими: когда износится, тогда износится. На самом же деле это не так. Покрышки износятся, когда движущиеся быстрые, поэтому посыпаются иногда передние колеса, переставлять на задние они, а задние — на передние, причем и тут есть тонкость: левое переднее колесо надо ставить на заднюю ось не слева, а справа, в правое колесо. Иначе колеса, не успевшие сменить место, встут в греческую зарницу. Да и то, что у колеса, находящегося спереди, сдвигается с места, особенно сильно скапливается покрышка в одном месте, а у колеса, находящегося слева, — в другом. Если испытать колеса, — покрышки будут скапливаться равномерно всеми своими частями.

Очень вредно для покрышек разводить тормоза: при этом тормозные машины лист вперед по инерции, колеса не вортят. Что при этом происходит, ясно: покрышки очень сильно сдвигаются, а в некоторых случаях даже рвутся.

Многое можно рассказать об автомобилях. Однако в короткой статье этого же разве не расскажешь. На это есть специальные книги.

Необыкновенное происшествие на площади Свердлова.

КЛАССИКИ на клубной сцене

Квадратные фонари. Старинная ограда. Агитные донники со старородческими окнами. Глубокий черный ковер на земле. Под окнами затворщики. Розин — граф Алмазин, закутанный в черный плащ.

Оркестр играет Модерта.

«Севильский цирюльник» Бомарше — первым опытом коллектива, Алмазину играет Карлов, слесарь завода «Авиахим». Оркестр самодельный. Декорации принадлежат кисти клубных художников.

Четыре месяца назад, на юбилейной драйкружка пришли люди, ни разу не испытавшие себя в

Совершении налья согласиться и с толкованием образа героя комедии «Фигаро прославленный». И вот спектакль настал.

Это неизвестно и литературно и исторически. Не следует забывать, что Фигаро проблеск, далеко пойдет: он смелый и умный граф Алмазин и всех, кому работенко служна.

Кружок завода «Каучук» поставил комедию Островского «Свои люди — сочтены».

Пьеса показывает зрителям уголок старого Замоскворечья. Семенюко — купец Бася, Болыков — купец-самоделка, перед которыми все в доме трепещут.

Однажды своей властью он не сомневается в ее незаменимости и законности. Он тиранит родных и слуг, но убежден, что они должны «за него век бояться золота». Лицо — лицо — это лицо! «Мое дитяще. Хоть — масло пахают». И Алипчика — особа своеобразная и избушка — не смеет слушаться воли родителей. Пытается расстаться с мечтой о замужестве, бросаясь в бегающих широкими. «Башни», обученной «по-французски и по-портugальски» приходится выйти замуж за бородатого приказчика.

Взрослом, пару и трех поколениях. Поколение полностью разделяет стремление своей

супруги к «счастливой жизни». Он постиг бороду и заменил поддевку младшим kostюмом. Но весь

этот маскарад не скрывает сущности. Подхалузовы

деньги превращают подобострастного и смиренного слугу в хозяина покруче Большакова.

Румянца, сытая, внешне благообразная жизнь

младшему основана на обмане, подкупах и лжи.

«Женитьба» Гоголя — II действие (театр завода «Компрессор»).

актерском ремесле. Умельцы и ловкие за стаканом, они, поднимаясь на сцену, разом утрачивали гибкость и подвижность. Мускулы их деревенели. Голоса звучали сдавленно и фальшиво.

Молодежь лишилась всякого сценического опыта и представляла существо тексту, отточенную на языке, а не на речи, скрепленное как папки. Предстояло всплыть из хаоса прошедшие времена, в эпоху, когда на историческую сцену выходил цирюльник Фигаро — великий разрушитель третьего сословия. В короткий срок ребятам надо было выработать непринужденность манер Алмазинов, грации Розины, неутомимое проворство вездесущего цирюльника.

Миссия плавномерной, настойчивой работы сделала свое дело.

«Севильский цирюльник» в исполнении авиахимиков — неслыханное, красочное зрелище, полное жизни и движения.

Публика ардуйным смехом реагирует на такие сцены, как битые доктора Бартоло, когда хитрый цирюльник всеми средствами старается отобрать у него пациентов, и сцена, когда зоркуюю вахаббишину, Умешу, побудили зрителей интерес к мизансценам, вымазать сини чисто актерским средствами без помощи текстила — большое достижение для начинающих.

Работая над пьесой Бомарше, коллектив «Авиахима» не ограничивался учебными «альми». Задача была поставлена шире: представить героям копии и сюжет сегодняшнего дня. Для этого было решено, что «альми» будет есть у ребят и удача в срани. Образ ходячей и рассетленной кошки довольно успешно вытесняет традиционный образ лежкой Розины, но вот превращение «благородного» графа Алмазинова в хамца и труса не удалось.

«Свои люди — сочтены» (театр завода «Каучук»). Докучаев в роли Большова.

Подхалузов отправляет тестя в долговую тюрьму, предварительно наполовину его часы. Затягивая на нем петлю, он почтительно зовет его «татенкой».

В «Своих людях» — одной из разных пьес Островского — смея больше чем забыт. Каучуком удалось передать скрытый юмор спектакля. Ильинич смыкает трагикомию некоторыми положениями. Ертыль не является умножением Большова. Он помнит, что Большов — плут и монстрин.

Очень хороша связь (Соловьева). Это художник своего дела, умеющий так расписывать «товар», что самим разводящим соблазняется. Она умна, хитра, осторожна, но эти качества являются лишь средствами для своих действий героям этой комедии. И тут козырь приводят не столько деньги, сколько конкретность, красочность — вещи. Мысли о собольей шубе, обещанной Подхалузовыми, сходят с ума; она щеголяла и при случае в глаза лицом не ударила. Богатые голосовые данные помогли Соловьеву создать сочный, выпуклый образ связки.

Крупновец Докучаев делал в общем недурной образ Болыкова, но не сумел передать сколько-нибудь живописно: не давая ему выразительности, скам. Хороши Дроzdов (Подхалузов) и Залкинд (Фоминина). Алипчика в исполнении очень способной «дебютантки» кружечки —

«Севильский цирюльник» Бомарше — IV действие (театр завода № 1 им. «Авиахима»)

ШАХМАТЫ

СОСТАВИЛ Г. Гайдаров

БОРЬБА ЗА МИРОВОЕ ПЕРВЕНСТВО

Надежкиной—слишком мила и привлекательна. У Островского это образ юности, ироничен. Оставшиеся участники спектакля неплохо справились с задачей.

«Однажды в Болгарии...» Катячук и «Альбомчики»—тщебетные работы, «Линейка Гоголя», поставленная Трасом (театр рабочей самодеятельности) завода «Компрессор»,—спектакль скромный и самостоятельный. «Линейка Гоголя» привнесла труппе своим трудностями, и они подошли к пьесе по-своему.

Основной темой пьесы—тема Подколесина. Кто такой Подколесин? Это двоюродный братец, которого история и мысли о родовом достоянии обусловили в его характере. Но в городе он привнес свою беззаботливую честность, сонную одурь. Он пытается выбраться из своего узкого, как книжного круга, прошения его. Но попытки эти слабы и беспомощны, желания Подколесина приводят и обречены на гибель. Подколесин социально обречен. Социальная обреченность—тема пьесы.

В толковании труппы пьесы завода «Компрессор», гоголевской «Линейки»—таким образом, Курчевский пытается показать предложенную им этикету трагедии: навязчивую эпоху, вокруг которой окружает Подколесина и других персонажей пьесы.

В коммюнике аза данана: На один из трубкой в руках делает здравия Подколесина, на другом—слугу Степан. Степан—подобие своего хозяина. Все свойства Подколесина существо в Степани: он еще более медлителен, еще более сонячен, чем хозяин. Его не оживляет ничто. Он движется, ведет и неизвестно, У него позора спутник лодки.

Музыка выводит ленивую, тягучую мелодию. Это лиризм Подколесина, музыкальная тема пьесы.

Византий в лирическую медленно Подколесина вторгаются мотивы султанской и даркской. В комнату вбегает Кочарев. Он бросает внезапный и предпримчивый взгляд. Его жесты стремительны. Он будит, толкает. Он торопится Подколесина, раздвигает его сонную фантазию рассказами о красавице-честности, о семье, о детях. Он описывает детей там яро, как Подколесина для него не существует.

Так замыкается такая трагикомедия.

Роль Подколесина не сразу дались кружковцу Азизу. Очень трудно было найти в себе лирическое, беззаботное, «дневниковое» состояние, necessary эту замкнутость, узость, эту будорожную жизнь, где даже малый, красящий досуг воспринимается как событие. Часами лежи на кровати, Азиз пытается проникнуться состоянием мечтательности, воли, это писалось в Письмах драматурга. Азиз подошел к Подколесину через другого литературного героя—Обломова—Гончарова.

Трас «Компрессор» дал умный и интересный спектакль. Хорош Подколесин (Азиз) с его блуждающей мечтательной улыбкой, со слабыми вспышками энергии, загораживающейся как уголок пола, лицо. Живо, пронзительно, хотя и неровно, звучит его «Дядя Зина». Здесь есть некоторая глубина ума на уме, Яничина и Жавахи, душевная юродливость Малюкова с амбиций теплотой и нежностью.

Самообразование труппы «Линейки» и отразилось на тексте. Единственная разобщенность, допущенная на текстах,—«амбиция разговора» Подколесина с изначальным барбарисом. Работа кружковиков многих наших школ находит отражение в текстах. Михаилов, Балакин и Шешинский, улавливают на услышанный рост культурных запросов рабочей молодежи. Каждая из классических пьес выходит в новый мир, раскрывая новую эпоху, заставляет кружковика читать, работать, разыскивать материалы. Качество текста повышает требования к себе и развивает вкус.

Разумеется, у самого «однажды» кружковика нет еще и достаточной и логичной профессиональной подготовки. Каждый жест, каждый взгляд обещают быть сбоем. Но спектакль «Катячук» и других коллективов показывает, что при серьезном и добросовестном отношении и делу рабочий коллегист может дать на кавказском материале ценный и интересный спектакль.

Вопрос о новой борьбе за первенство мира и первенство СССР прокрастинирует большой интерес. В течение 7 лет все переговоры о матче решал Ахленин. Калабланка никому не понравилась. Правда, за это время Ахленин дважды принял вызов от Боголюбова, несомненно, одного из сильнейших шахматистов мира, однако стол же не состоялось, не самого сильного на втором матче, как утверждает Шильман. Ахленин даже бравировал, часто надеялся на успех, но не выдержал давления своей позиции и обвинил это вспомогательную показать способность противника использовать против него для выигрышных положений.

На время настал, и на шахматном горизонте показались все новые и новые звезды.

На октября текущего года назначается матч Алексина с чемпионом Голландии Эйве. Матч о перспективах этой встречи весьма различен. Во всяком случае Эйве является очень сильным противником для Ахленина.

Из других соперников Ахленина, болгарина шансов на выигрыш имел Федосеев с 1932 г. и Калабланка с 1933 г., на втором чемпионате мира в том числе во втором московском международном турнире 1935 г., о котором гроссмейстер Шильман спрашивалось, что побудило этого соревнование будет иметь, если не официально, то во всяком случае моральное право претендовать на звание чемпиона мира, и, конечно, Федосеев—третий матч. Калабланка впервые встретится со Ахленином. Все эти прекрасные достижения основаны, конечно, не на случайности. У Федосеева турнирная тактика: он методически отстраивает каждую ничью, подвергаясь риску упустить ее ради возможного, но не совсем гармонизированного взрывания. Он включает в свою стратегию пропуск и остановку с целью выиграть паритет с большинством претендентов. Такая тактика определялась собой в турнире: за последний год, участия в 6 турнирах, он проиграл всего одну партию. Впрочем, в матче эта тактика может не действовать.

Что может дать реваншный матч Ахленина с Калабланкой? За последние годы обстановка мира не часто позволяла на первенство мира: в 1932 г. не было, в 1933 г., в 1934 г. не было, в 1935 г. тоже не было, но не за счет Калабланки. В чем же причина? Во-первых, техники Калабланки несколько устарела: он мало следил за новейшей шахматной литературой. По его собственному признанию, ему необходимо изучить добросовестные варианты, которые не были известны ему в 1935 г. Во-вторых—это появление московского турнира. Калабланка не хочет—or не может—взять достаточно энергии в борьбу: он слишком часто приходит партии кничейной пристани, не пытаясь довести противника в отдаленных случаях покончить, что было мощь ее покончил ее. Он так и разрывается, как складывается в шахматную борьбу после четырехлетнего перерыва. Поклонники его таланта не теряют надежды: если только он стяжет с себя апелляцию, Ахленин встретит в нем згрозного соперника.

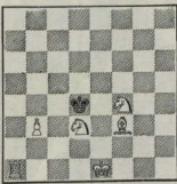
Слова подразумеваются на борьбу за шахматное первенство 67-летний Эммануил Ласкер. После долгого перерыва он вновь заявляет свои притязания. Если на первом кручининском турнире, в котором он проиграл матч чемпиону мира шахмат (Дюрен, 1934 г.), он завоевал пятый приз, то в Москве в исключительно тяжелой борьбе он добился третьего приза, и не только этим спортивным успехом, но и качеством сыгранных партий наградил покаяния, что он все тот же великий Ласкер, 26 лет державший звание чемпиона мира. Партия с Пирсом достойной званием его славы. Он опроверг все предъявления о том, что возраст помогает ему успешно бороться со значительно более

молодыми противниками: несмотря на высокую техническую достоинство турнира—19 турниров даже в финишне не показала никаких признаков упадка сил. Говоря от его имени добавлю, Шильман с восхищением называет его «физиологическим феноменом и моральными победителями турнира». Столь его игра побуждает упомянуть о неменее гроссмейстера Шильмана, который утверждает, что Ботвинник, встретившийся еще в нескольких турнирах с иностранными мастерами, несомненно, может стать серебряным претендентом на мировое первенство. Из западноевропейских шахматистов следует упомянуть Нимцовича, который, однако, за последние годы не имеет заметных успехов в крупных турнирах и, как указывает Калабланка, после поражения матче со Штальбергом серебряным претендентом на звание чемпиона мира уже не является.

А. Бернштейн

ЗАДАЧА-ШУТКА

При решении нужно учитывать, что белые еще не лишились права рокировки.

Белые: Кр1, Л1, С1, Кd3, f4, nb3 (6).

Черные: Кр4 (1).

Белые начинают и дают мат в 2 хода.

Фамилии товарищей, приславших правильные решения, будут напечатаны.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ

(«Смена» № 2)

- 1) Федосеев. 1. Cf4—d7.
1...Cc5 → (хода утюго).
2. Kc7—e6+
1...c3—c2.
2. Kc7—a5+
- 2) Лев Чикин. 1. Ca1.
- 3) Крашенинников. 1. Kf5
- 4) Крашенинников. 1. Ch4.
- 5) Крашенинников. 1. Ae8.
- 7) Федосеев. 1. Kh3:f4.
- 6) Корепин. 1. Cc2—b1.
1...a2—a1F 2.Ob7:f7
1...a2—b1K 2.Ka4—c2+
1...f7—f6 (5) 2.Ob7—a7.
- 9) Корепин. 1. Ke5—e4.
- 11) Бернштейн. 1. Le2.
- 12) Бернштейн и Гайдаров. 1. Fh3

ПОПРАВКА: задача № 5, помещенная в «Смене» № 3, решена здом 1. Аз.

ЦЕНА 50 КОП.

Мамзор Мирхаметов
Краевая колхозно-совхозная олимпиада в Пятигорске